Галина Романова
Русский детективы
В ЛЮБВИ БРОДА НЕТ
Крепка, как смерть, любовь
Новая книга

Галина Владимировна Романова

В любви брода нет

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167380
В любви брода нет: Эксмо; М.:; 2007
ISBN 978-5-699-22440-1

Аннотация

Кругом весна – пора любви, а Верочка одинока и несчастна. Ее бросил муж и женился на манекенщице. Мало того: он продолжает ревновать. И к кому? К неловкому и странному участковому Назарову! Но с ним ее, естественно, ничего, кроме дружбы, не связывает… А теперь супруг хочет отнять самое дорогое – единственного сына. И пока он на отдыхе, Вера решается продать свою квартиру и перестать быть зависимой. Но оказалось – риэлторы, к которым обратилась Верочка, убийцы!.. Ну почему она оказалась так слепа, почему вовремя не почувствовала, что участковый влюблен в нее, а потому готов на все? Он наверняка помог бы. А теперь, наверное, уже поздно…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 6
Глава 3 14
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 34
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Галина Романова
В любви брода нет

Глава 1

Пожилая женщина тискала в руках дерматиновую сумочку цвета конского каштана и робко топталась у порога.

– Проходите, присаживайтесь. – Милая девушка, очень похожая на ее младшую внучку, выпорхнула из-за стола и выдвинула на середину комнаты стул. – Не стесняйтесь, прошу вас.

Женщина осторожно ступила на дорогое ковровое покрытие приемной, прошла и села на самый краешек стула.

– Скоро Инга Витальевна вернется с обеда, – пообещала ей секретарша все так же мягко. – Вы подпишете последние бумаги, и вам передадут деньги.

– Что, прямо сейчас?!

Было заметно, что женщина занервничала. Сумма в договоре значилась немалая, а у нее с собой даже сумки поприличнее нет, только вот эта, старенькая, с которой она обычно ходит за пенсией. Так пенсия-то всего две с половиной тысячи, а здесь – страшно даже выговорить – почти полмиллиона.

– Да. Сейчас, конечно. – Девушка, похожая на ее любимую малышку, забарабанила по компьютерным клавишам, по ходу приговаривая: – Наша контора всего с полгода работает, и мы очень дорожим своим престижем, действуем в интересах клиента. Поэтому никаких проволочек с бумагами и выплатами быть не должно. Так ведь?

И она посмотрела на старушку с трогательной непосредственностью.

– Да, наверное, – не стала расстраивать ее клиентка. – Боязно только как-то. Такая сумма. У нас вон на прошлой неделе у почтальонши пенсию инвалидскую отобрали. Прямо в подъезде у почтовых ящиков, пока она газеты по ящикам рассовывала. И деньги небольшие, а вот польстились…

– Ну, так то пенсия! – секретарша искушенно фыркнула. – Любому дураку, извините, известно, когда приходит почтальон. Запросто могли узнать и день, в который она носила пенсии. Тут любой подросток мог постараться, так ведь?

– Оно верно, – подтвердила женщина, удивившись, что ни разу не подумала об этом, а все удивлялась, как могли так запросто, среди бела дня и наверняка ограбить. – Сейчас преступник пошел изворотливый. Проследит за кем хочешь.

– Ну вот! – обрадованно подхватила девушка. – А вам-то опасаться нечего. Вы же никому не говорили, куда и зачем идете, или я ошибаюсь?

– Нет, что вы! Кому сейчас о таком можно говорить! Кругом зависть да сплетни. Так я и не знала, что деньги именно сегодня будут, как же я могла заранее говорить!

– Именно! – подхватила девушка и, потянувшись, щелкнула тумблером чайника. – Я вас сейчас чаем напою с печеньем. Хотите?

– Конечно, спасибо большое, – обрадовалась женщина и потянула с головы теплый шерстяной платок. – Я так разволновалась, что даже во рту пересохло. Шутка ли, такие деньги. Как поеду на автобусе, ума ни приложу.

– Да зачем же на автобусе?! – изумленно воскликнула девушка, заваривая пакетик с чаем и кидая в чашку пару ложечек сахара. – Мы вам такси вызовем. А родственников у вас нет в городе? Я имею в виду таких, чтобы могли за вами на машине приехать и встретить. Подождали бы пока у нас, они бы и подъехали.

– Нет никого здесь, девочка. Никого! – Лицо пожилой женщины жалобно сморщилось. – Потому и спешу с продажей квартиры. Уехать хочу к сыну на Украину. Там внучка младшая должна вот-вот замуж выйти. Хочу молодой семье деньгами помочь. Глядишь, и пригреют старуху.

На край стола ей поставили поднос с чашкой чая и крохотным блюдцем с рассыпчатым печеньем в виде розочек. Женщина неловко пододвинула стул и, расстегнув тяжелое зимнее пальто, принялась макать печенье в чай. Угощение было вкусным, и, сильно стесняясь, она попросила добавки. Девушка весело расхохоталась, подлила ей еще кипятку, сунула в чашку очередной пакетик чая, всыпала сахару и добавила пару печений. Женщина продолжала угощаться. Через пять минут она обмахнула крошки с пальто, поправила на шее платок и, отодвинув от себя поднос, проговорила:

– Вкусно. Спасибо тебе, милая. Прямо и не знаю, что сказать. Хорошая ты девушка. Очень на младшую внучку мою похожа.

– Это на ту, которая замуж собралась? – девушка лукаво улыбнулась из-под низкой пушистой челки.

– На нее…

Она хотела добавить что-то еще, но тут дверь в приемную распахнулась, и из темного коридора на дорогое ковровое покрытие приемной ступила высокая стройная женщина.

– Добрый день, – проговорила она и вежливо улыбнулась. – Заждались, Анна Степановна? Уж извините за задержку.

– Нет, нет, что вы! Какие могут быть извинения! – Анна Степановна улыбнулась владелице конторы. – Меня тут чаем потчевали, грех жаловаться.

– Ну что же, пройдемте. Поставим последнюю подпись. Дождемся клиента, он должен с минуты на минуту подъехать, и, как говорится, всего вам доброго…

Пожилая женщина поднялась и засеменила следом за Ингой Витальевной. Они скрылись за дубовой дверью, и в приемной воцарилась тишина. Какое-то время, каких-то крохотных пять минут, секретарша прислушивалась к звукам, идущим из кабинета Инги. Потом услышала характерный тяжелый стук о пол и догадливо улыбнулась. Она сноровисто смела на поднос крошки со стола, оставленные Анной Степановной, и пошла в туалет вымыть посуду. В дверях столкнулась с Михалычем, здоровенным меланхоличным малым с рыбьими глазами. Ему было чуть больше тридцати, но в конторе все звали его почему-то Михалычем, то ли из уважения к его физической силе, то ли из-за глубоких морщин, избороздивших низкий лоб.

– Здорово, вертихвостка, – угрюмо поздоровался он с девушкой. – Я не опоздал? Клиент здесь?

– Ты вовремя, Михалыч. Инга Витальевна ждет тебя уже ровно как две минуты.

– Понял, – кивнул тот нечесаной головой, в два прыжка преодолел пространство приемной и скрылся за дверью с табличкой «Директор».

Секретарша догадливо хмыкнула. Толкнула аккуратной попкой дверь, выбралась с подносом в коридор. И нарочито медленно ступая, двинулась к женскому туалету. На лице ее блуждала довольная улыбка.

Самое позднее, к завтрашнему вечеру нужно ждать очень щедрых премиальных, а ведь это только начало…

Глава 2

– Пойдем домой… – проговорила потрясающе красивая Мирошниченко, глядя на ослепшего солдата, которого проникновенно сыграл Глузский. – Пойдем домой…

И столько вселенской скорби было в ее незамысловатых словах, столько тоски и надежды, что Верочка, не выдержав, разрыдалась в полный голос.

Господи! Ну почему?! Почему только в дни великой всеобщей беды человек начинает понимать, что такое истинное счастье! Необструганная ступенька под ногами, стены, пахнувшие свежеспиленной сосной, солнце, бьющее прямо в глаза сквозь незастекленные окна, и еще человек, который рядом. Мужчина, который достоин называться любимым…

Она в десятый раз, наверное, смотрела этот фильм и всякий раз не выдерживала и давилась слезами. Сегодня был особый случай, сегодня на нее навалилась хандра, и ее уже с раннего утра душили рыдания. Она встретила своего бывшего с его нынешней женой. И встретила совершенно случайно, совсем не ожидая увидеть их именно там, в аптеке. Она как раз суетливо рылась в своей необъятной школьной сумке, пытаясь отыскать в ее недрах кошелек, когда над самым ухом раздалось:

– Салют, Вера!

Причем мерзавец умышленно сделал ударение на втором слоге, бездарно подражая Меладзе. А она… Она растерялась и еще более суетливо продолжила свои поиски. Она не собиралась ему отвечать на приветствие, которое сочла всего лишь строкой из песни. К тому же на его руку опиралась неподражаемая Она, чего же тешить публику и, краснея, лепетать что-нибудь в ответ. Нет, Верочка не приняла подачи, продолжая искать кошелек.

– Что собралась покупать, валерьянку? – Бывший, по всей видимости, пребывал в отличном настроении и не собирался упустить случай поглумиться над ней в очередной раз.

– Почему именно валерьянку? – Вера нашла наконец кошелек, стиснула его в потной ладошке и стояла теперь перед ними, чуть дыша.

– Так ты ее, как мартовская кошка, всегда глотала, – фыркнул бывший, приводя свою теперешнюю в состояние трепетного восторга. – Она же тебе от всех болезней помогала. Даже от насморка!

Это был удар ниже пояса, и Верочке сделалось нехорошо. Только что ей было безразлично, ну не совсем, ну почти… И то, что он с этой в обнимку. И то, что выглядят они оба не на одну тысячу долларов. И то, что счастливы и, кажется, даже любят друг друга. А вот стоило ему вспомнить про ее насморк, как на нее тут же накатило.

Он же сам ухаживал за ней, когда она простывала. И чай ей заваривал с липой и сушеной малиной. И бальзамом каким-то пахучим натирал ей виски и затылок. Потом укладывал в постель, надевал ей на ноги шерстяные носки и баюкал, словно ребенка. И сам же тащил ей в спальню эти дурацкие копеечные таблетки, уговаривая принять, считая их панацеей ото всех бед. А теперь что?..

– Насморк не у меня, – проговорила Верочка как можно внятнее, боясь разреветься прямо здесь и сейчас и предстать перед ними – блистающими – эдакой хлюпающей носом развалюхой, тискающей в руках огромный саквояж. – А у твоего сына. Его зовут Данила, если ты забыл.

– Я не забыл, – бывший все еще продолжал улыбаться, но уже как-то неуверенно, словно по инерции.

– А вы что это здесь в такую рань? – Верочка обрела утраченную уверенность и плавным движением руки обвела тесноватый зал. – Вы – и в аптеке? Уж не за «Виагрой» ли пришли? Наверное, приспичило, раз в такое время поднялись.

И она пошла к окошку готовых лекарственных форм, проклиная себя за хамство.

Ну не хотела же! Видит бог, не хотела опускаться до примитивизма. Она же педагог! Ей нельзя быть склочной и мелочной и напоминать своему бывшему мужу о проблемах, которые у него временами возникали. Нет же, не удержалась, уколола. А, уколов, тут же пожалела. Успела заметить, как пошло его холеное лицо багровыми пятнами и как его теперешняя бросила на мужа затравленный, испуганный взгляд. Наверняка попала в десятку. Не нужно было. Совсем не нужно.

Верочка склонила голову к окошку, заученно улыбнулась и быстро проговорила:

– Ксилен, пожалуйста. Одну упаковку. И еще… – тут она быстро оглянулась, нашла взглядом бывшего с его теперешней женой, мающихся в отдалении, и скороговоркой выпалила: – И валерьянку в таблетках. Четыре пластинки, пожалуйста.

Девушка приняла заказ. Отсчитала ей четыре пластинки таблеток, сунула в руки сдачу мелочью и подала капли. Верочка быстро все спрятала в сумку, ссыпала мелочь в карман плаща и скорыми шагами направилась к выходу. В сторону влюбленной парочки она больше не смотрела, искренне надеясь на то, что ее уход они оставят без внимания. Не оставили…

– Вера! – рявкнул Геральд Всеволодович (так именовался ее бывший супруг) на всю аптеку, заставив редких посетителей присесть от неожиданности. – Подожди!

Она, не реагируя, миновала стеклянные вращающиеся двери, остановилась на каменных ступеньках и поискала глазами машину Геральда. Месяц назад он разъезжал на блестящей, как дельфин, и огромной, как танк, «Тойоте». Так, во всяком случае, ее называл Данила, провожая отца взглядом из окна. Что-то похожее Верочке удалось рассмотреть в самом дальнем углу парковочной площадки. Катаются, значит… Ну-ну…

– Ты что, не слышишь?! – пробубнил он ей в самое ухо, выскакивая на ступеньки следом за ней. – Мне поговорить с тобой нужно!

– Позвонил бы. – Она равнодушно пожала плечами и выразительно посмотрела на часы. – Учти, мне ко второму уроку…

– Дело трех минут, – постарался успокоить ее Герочка, интересно, а как его называет теперешняя жена… – Разговор о сыне.

– И? – Верочка мгновенно напряглась, почувствовав внезапную тревогу.

Данилка – это все, что осталось от их большого и красивого чувства, которое они называли любовью на всю жизнь. Чувство Гера сначала задвинул в дальний ящик, потом препарировал его в течение пары месяцев и выбросил за ненадобностью. Выбросил, как давно отслужившую, пришедшую в негодность вещь. Поверить в разрыв Верочке стоило больших трудов. А когда пришло понимание, что все это и правда случилось и поделать ничего уже нельзя, она испугалась. Испугалась за Данилку, к которому отец не думал пока менять свое отношение. Ей делалось жутко от предположения, что все это лишь временно. Что пройдет какой-то срок, и Гера поступит с сыном так же, как поступил когда-то с ней. Потому и напрягалась всякий раз, когда ОНИ желали говорить о сыне.

– Скоро весенние каникулы, – начал издалека Геральд.

– Через два дня, – уточнила Верочка, пугаясь еще сильнее.

– Ну да, через два. Так вот, мы с Никой хотели бы взять его с собой. – Тут ее бывший зашел спереди, опустившись на ступеньку и сделавшись с ней одного роста, умоляюще заглянул ей в глаза и обворожительно улыбнулся. – Мы на недельку решили слетать в Ниццу, вот я и подумал…

– Нет! – с чувством выдохнула Верочка и сделала попытку обойти его.

– Почему, черт возьми, нет?! Что за диктатура, твою мать!!! – Он ухватил ее за локти, не давая тронуться с места.

Он взвивался мгновенно, ей было об этом известно. Прежде ему удавалось держать себя в рамках, в общественном месте всегда и иногда дома. Но времена, видимо, меняются,

потому что ее бывший начал орать на всю улицу, совсем не обращая внимания на то, что на них оборачиваются.

– Ты отвоевала себе право быть его матерью! Ты ограничила наши свидания до одного в месяц! Но есть же каникулы! На них твои ограничения не распространяются! – Гера расходился все сильнее, продолжая тискать в ладонях Верочкины локти и время от времени встряхивая ее, как тряпичную куклу. – Я, в конце концов, могу подать на тебя в суд!

– Подавай, – легко согласилась Верочка и коварно ухмыльнулась.

Ей ли было не знать, сколько времени рассматривает наше судопроизводство дела, связанные с детьми. Тут вам и роно, и попечительский совет, и еще целая страсть инстанций, которые ему надлежало бы обежать. А там обязательно кого-нибудь не окажется на месте, придется снова побегать и снова просить. Глядишь, и каникулы к тому времени закончатся. И в Ниццу ему придется лететь со своей длинноногой большеротой макакой, оставив сына на попечение матери. И Данилке не придется скрипеть зубами, когда за ужином или обедом та начнет вываливать на стол свои огромные сиськи и скалить направо и налево свой огромный пухлогубый рот. Как же он этого не может понять?!

– Ты все нарочно делаешь, да?! – с отчаянием прошептал Геральд, приблизив свое лицо почти вплотную к ее. – Ты мстишь за мое счастье?! Ты не можешь смириться с тем, что мне хорошо! Вот если бы мне было плохо, ты бы сдалась. Ты бы пожалела меня, как жалеешь всех сирых и убогих. Ты бы специально навязывала мне Данилу, чтобы мне не было хуже, чем есть. А так ты не можешь мне простить моего успеха…

Верочке хотелось выплюнуть ему в лицо то, что в его успехе есть и ее заслуги, но она промолчала. Стеклянные двери тревожно заметались вокруг своей оси, и на ступеньки выпорхнула его новая жена.

Как же ее звали, дай бог памяти?.. Кажется, Ника. Да, точно Ника. Он только что ей напоминал об этом. Победительное имя – Ника. Наверное, красивое и таящее в себе глубокий смысл. У Верочки же оно ассоциировалось с икотой. С затяжной, выматывающей и надоедливой икотой. «Ни-иик-аа», – мысленно растянула она ее имя и совершенно неожиданно для себя и правда икнула. Геральд отпрянул от нее, как от прокаженной.

– Значит, нет?! – воскликнул он, отступая еще на одну ступеньку и делаясь ниже ее ростом.

– Га-арик, проблемы? – проквакала большеротая макака, зацокав каблуками в их направлении. – Нам не доверяют Дана?!

От мерзкого коверкания имени сына у Верочки помутнело в глазах. Она медленно развернулась в сторону Ники. Смерила ее взглядом, способным заморозить ртуть, по достоинству оценив модную ныне стройность и рост. Машинально отметила дороговизну наряда и, четко выговаривая каждое слово, будто объясняла сложную тему трудному подростку, произнесла:

– Моего сына зовут Данила. Данила Геральдович Хитц. И никаких… Никаких именных интерпретаций я не потерплю. Во всяком случае, в моем присутствии!

И, высоко и гордо неся голову, Верочка двинула на автобусную остановку. Как же она была благодарна в тот момент своей учительской выучке! Нет лучшей школы жизни, чем наши средние общеобразовательные учреждения. Чего там только не насмотришься и не натерпишься. Ничего, выжила. И даже научилась справляться и с гневом, и со слезами, и с обидой. Поднимет эдак голову повыше, веки приопустит и чуть тронет губы загадочной улыбкой. И аудитория тут же затихает. Ей даже прозвище дали весьма почетное – Сфинкс. Кое-кто пытался переименовать его в Кобру, но это не прижилось. Верочка осталась Сфинксом.

– Вера, подожди! – снова взревел Геральд на всю улицу и хотел было бежать за ней следом, но потом передумал и, подхватив под руку свою макаку, потащил ее к своей шикарной дорогой машине.

Все это Верочка видела в витринном отражении. Оборачиваться на них было выше ее сил. Да и против ее природы. Она самой себе бы не простила, если бы провожала их взглядом.

Она дошла до остановки. Влезла в подъехавший «пятнадцатый» автобус, который всегда оказывался переполненным независимо от времени суток. Втиснулась на заднюю площадку, ухватилась одной рукой за поручень и лишь тогда выпустила на волю душившую ее горечь. Высокомерное равнодушие, которое ей удалось сохранять в их присутствии, пластилиновой маской поползло с лица, опуская ее рот скобкой и наполняя глаза слезами.

Только бы не зареветь… Только бы не зареветь… Глаза безбожно размажутся, краситься в учительской будет некогда, время потеряно в дебатах с бывшим. А зайти в класс с поплывшими глазами, да еще если там будет этот ужасный Баловнев Алешка… Нет, нельзя превращаться из Сфинкса в развалину. Никак нельзя.

Верочка все же расплакалась. Тихонько так, беззвучно, почти не потревожив туши на ресницах. Тряслась на задней площадке автобуса и, проклиная сегодняшнюю встречу, плакала. Потом автобус остановился в пяти метрах от входа в ее школу, и ей пришлось взять себя в руки. Она влетела в пустующий вестибюль, машинально ответила кивком на приветствие дежурной уборщицы и помчалась в учительскую.

Стол, который она делила с Ниной Александровной Серебряковой, учительницей начальных классов, был завален плакатами.

– Извини, Вер Иванна. – Физрук сграбастал огромными ручищами плакаты и поспешил переправить их в угол.

Плакаты разъехались в разные стороны и посыпались из его рук, словно гигантские сигары. Верочка тут же поспешила на помощь. Да так неудачно это у нее получилось, что, столкнувшись лбом с физруком, она отпрянула, оступилась и задела коленкой за стул. Колготки, как миленькие, тут же вцепились в одну из трех сотен щепок и живенько побежали двумя отвратительными стрелками.

– Ну что за день, ей-богу! – воскликнула Вера, убирая свой плащ в шкаф. – Сначала с бывшим пересеклась в аптеке. Теперь еще и колготки!

– Ладно тебе, Вер Иванна, переживать из-за такого добра, – весело фыркнул физрук, звучно шлепнув рука об руку. – Юбка у тебя длинная, сапоги тоже, коленок почти не видно.

– Почти! – фыркнула она, причесываясь около овального зеркала, которое уже кто-то успел заляпать. – У меня сейчас десятый «А»! А там у нас кто?

– Баловнев, – физрук догадливо чертыхнулся. – Вот появятся же такие выродки на свет, что с ними потом делать, одному богу известно. Ведь ни кнута, ни пряника не признает. И не боится никого, и не уважает. Ни отца, ни мать…

– Так матери у него вроде бы нет, – пробормотала удивленно Верочка, усаживаясь за свой стол и доставая из ящика лак для ногтей, конфискованный у одной из модниц старших классов. Если поставить им крохотные капельки на колготках, то можно вовремя остановить резвые петли. – Он с отцом и старшим братом живет. Хотя я могу что-то и перепутать.

Дверь в учительскую распахнулась, тюлевая занавеска тут же вздулась на форточке огромным пузырем, а тетради на столах зашелестели взметнувшимися страницами.

– Это не ребенок! – тонкие ноздри пожилой математички, анемичной Софьи Павловны, затрепетали, словно крылья бабочки. – Это, пардон меня, просто урод какой-то!

– Вы про кого? – насторожился физрук, выкатывая из-под своего стола волейбольный мяч и поигрывая им ногой.

Софья Павловна подошла к тумбочке с чайником и опасливо коснулась его пузатого бока. Оглядела на свет тонкостенный стакан, плеснула туда воды и лишь тогда с печальным вздохом ответила:

– Про Баловнева, про кого же еще! – Софья Павловна осушила стакан в три глотка, со звоном опустила его на поднос, когда-то пестревший яркой хохломой, но со временем покрывшийся старческими пятнами ржавчины. – Самое поразительное в данной ситуации – это то, что изменить ничего невозможно. Он блестяще учится! Он всегда готов к уроку. Но какой же хам, бог мой!

– Что на этот раз?! – Верочка тут же напряглась: коли Баловнев в ударе с самого утра, то есть с первого урока, то дальше будет больше. Хорошего не жди, это все равно, что ждать дождя в пустыне.

Софья Павловна ответила не сразу. Какое-то время она постояла у окна, почесывая переносицу, была у нее такая привычка, которую Баловнев ей не спускал. Потом устало опустилась на продавленный диванчик – подарок шефов десятилетней давности, неприязненно покосилась на громадные кроссовки физрука с замызганными шнурками и выдохнула обиженно:

– Сегодня наш Алексей, блестяще осветив тему и не менее блестяще ответив на все дополнительные вопросы, вдруг спросил, не собираюсь ли я на пенсию. Я растерялась и говорю, что это к теме нашего урока не относится. Он снова с этим же вопросом и потом интересуется, не мучают ли меня угрызения совести. Я опять растерялась, ну и не выдержала, спросила, с чего это они меня должны мучить. И что, вы думаете, он мне ответил?

– Что? – одновременно выдохнули Верочка с физруком.

– Сотни выпускников педагогических вузов якобы вынуждены слоняться без работы и терять квалификацию, тогда как я уже десять лет на пенсии и продолжаю работать. Вот что ответил мне наш лучший ученик и дьявол в одном лице, товарищи! У меня, говорит, троюродная сестра работает гувернанткой у богатых людей только из-за того, что кому-то мало заработанной пенсии и скучно сидеть на заслуженном отдыхе… Хам!

Верочке стало жаль Софью Павловну. Та была одинока и к тому же несчастлива в своем одиночестве. Школа – это все, чем она жила. Хотя, с другой стороны, и сестру Баловнева тоже жаль. Если, конечно, та не предпочла нищенскую зарплату простой учительницы солидной зарплате комнатной гувернантки.

Что-то сегодня ей преподнесет Алеша? Какую новую каверзу из разряда вежливых вопросов на засыпку изобретет…

Она вошла в десятый «А», спустив юбку как можно ниже. Чтобы глазастый Баловнев, не дай бог, не увидел ее рваные колготки и не сморозил какую-нибудь гадкую шутку, Верочка сразу присела к столу и начала урок.

Все прошло почти без эксцессов, если не считать трех двоек и одного прогула. Верочка отпустила класс на перемену и с облегчением склонилась над журналом, когда над самым ее ухом раздалось вкрадчивое:

– Вера Ивановна, а у вас все в порядке?

Не было нужды оглядываться. Это, конечно, Баловнев. Странно, что он вообще дождался звонка, а не выступил прямо посреди урока. Во всяком случае, глаз он с нее не спускал, отслеживая каждое движение. Будто готовился к прыжку. Паразит, а не ребенок…

– Да, Алеша, все хорошо, спасибо, – пробормотала Верочка, поглубже задвигая коленки под стол и все так же не поднимая глаз от классного журнала.

– А почему вы плакали? Я же заметил, вы плакали, – укоризненно пробормотал Баловнев.

Еще бы он не заметил! А сколько сочувствия в его вопросе, сколько сострадания, боже правый! Не знай она его как облупленного, непременно купилась бы на его внимание и точно

хлюпнула бы носом. Но Алеша выдрессировал ее давно, класса, наверное, с пятого. Да, еще тогда она научилась держать руку на пульсе, когда имела дело с этим мальчиком.

– Соринка в глаз попала, – буркнула Верочка, переворачивая страницу.

– Мне что-то в глаз попало и больно гложет, мои страдания, быть может… – почти шепотом продекламировал несносный Баловнев и очень серьезно, без тени издевки, попросил: – Вера Ивановна, пообещайте мне, пожалуйста, одну вещь.

Ей пришлось поднять на него взгляд, слишком уж проникновенно звучал его голос. Парень явно желал привлечь ее внимание или просто переигрывал.

Верочка оглянулась и пытливо уставилась на Баловнева.

Он все тот же, что и всегда. Высокий, худощавый, с короткой стрижкой и аккуратными ушами, в одном из которых красовалось колечко. Мягкий пушок на щеках и подбородке. Наверное, еще ни разу не брился, зачем-то подумала Верочка и постаралась собраться.

Это мои трудности, сказала она себе и напустила в глаза строгости.

– Алеша, ты опоздаешь на третий урок. Что ты хотел? – жестко сказала она, ожидая непременной гадости. – О чем хотел попросить меня? Ну, говори же!

Странное дело, его угольно-черные глаза смотрели на нее абсолютно серьезно, без намека на подвох. И вроде даже он покраснел.

– Тут такое дело, Вера Ивановна. – Баловнев переступил с ноги на ногу, шурша пакетом с единственной общей тетрадкой, учебников он принципиально не носил в школу, считая, что ему достаточно своей головы. – Если вдруг у вас будут неприятности какие-нибудь, вы мне скажите?

– Алеша!!! – против воли Верочка заулыбалась.

Будь он другим человеком, она бы потрепала его по щеке и поблагодарила за заботу, но он был тем, кем был. С ним так нельзя. Поэтому она мгновенно скомкала свою улыбку и укоризненно покачала головой.

– Я постараюсь как-нибудь справиться со своими неприятностями сама, – проговорила она, так как Баловнев продолжал топтаться и все не уходил, хотя в класс начали заглядывать восьмиклассники. Их урок русского языка был следующим. – Но, в любом случае, спасибо тебе за заботу.

– Зря вы так, Вера Ивановна, – продолжил настырничать Баловнев, очевидно, припас, стервец, какой-нибудь козырь в рукаве и ждал удобной паузы или фразы, чтобы щелкнуть им ее по носу. Но он снова удивил Верочку, проговорив: – Если вдруг вам будут угрожать, вы мне скажете? Пообещайте!

– Угрожать?! Мне?! Да кто же, господи?! Уж не Самойлова ли за сегодняшнюю двойку? – забыв о порванных колготках, Верочка выбралась из-за стола и повнимательнее присмотрелась к злому гению. – Кто мне может угрожать? О чем ты?

– Я не могу вам ничего сказать, Вера Ивановна. – Баловнев совершенно по-мужски оглядел учительницу с головы до ног и, ничуть ее не удивив, заметил: – У вас колготки на коленке поползли.

– Я знаю, – спокойно парировала она, слегка зардевшись. – Ступай уже, Алеша, через три минуты будет звонок.

– Не уйду, пока не пообещаете, – упорствовал Баловнев, все так же оставаясь серьезным. – Я знаю, вам некому пожаловаться. Вот я и…

– Ну, хорошо, – сдалась она, поняв, что его упорство может сорвать ей следующий урок. – Хорошо, если мне будут угрожать неприятности, я тебе сообщу.

– Спасибо, – заявил Баловнев, отступая к двери. – Только не медлите, пожалуйста, потому что может быть поздно.

Этот диалог если и вывел ее из равновесия, то минут на десять, не больше. Она даже сочла, что обошлась сегодня малой кровью. Через минуту в кабинет вошли восьмиклассники, и еще через две Верочка начала урок.

День как день. Прошел быстро, без суеты и лишней головной боли. Даже дети вели себя достаточно сдержанно, что было странно, учитывая лихорадку грядущих каникул.

В половине четвертого Верочка попрощалась с коллегами и вышла на школьное крыльцо. Солнце тут же обласкало ее бледную кожу на щеках, чуть поиграло на блестящих пуговицах плаща и перепрыгнуло на металлический замок сумки. Было тепло, и приятно пахло набухшими почками.

Сейчас она сядет в «пятнадцатый» автобус. Доедет до своей остановки. Пройдется по магазинам и купит им с Данилкой чего-нибудь вкусненького. Сырокопченой колбаски, например. А что? Имеют полное право отметить наступившие каникулы. Сырокопченой колбасы и красной рыбы, вот! А еще апельсинов и яблок, большущих таких, нереально краснобоких и одуряюще пахнущих карамелью. Они вместе накроют на стол и сядут ужинать вдвоем. Ужинать и ни о чем дурном не думать. У нее завтра уроков не будет, в школу идти не надо. Свой класс – пятый «Б» – она навестила сегодня. Так что можно и разгуляться. Главное, было бы желание.

Только вот желания-то, как ни странно, нет. Совершенно нет желания ни гулять, ни развлекаться, ни в кино идти, ни в гости. Хотя приглашали и туда, и туда. Но ведь не хочется же. Гложет и гложет проклятая тоска. Точит, словно червь. Только удастся ненадолго забыться, тут как тут новое явление. Сегодня, например, их было даже два. Мало ей бывшего мужа лицезреть – холеного и лощеного до блеска. Так еще и макака его нарисовалась – не стереть. Вся ладненькая, аккуратненькая, с высоченным бюстом и пухлогубым сексуальным ртом. Разве ж против такой устоять слабому полу! А уж Геральд слаб, ох и слаб ее Геральд против таких девчонок. Проигрывает всухую на первых минутах первого раунда. Ни-ик-аа… Имя-то какое дурацкое. Ну такое дурацкое, будто макака икает…

Верочка почувствовала, как слезы снова наполняют глаза.

Нельзя о нем думать! Совсем нельзя! А уж видеть и подавно противопоказано. Сколько времени прошло, а она все никак не может успокоиться. Сколько же, правда, прошло времени? Полтора года его кошмарных похождений по бабам – раз. Плюс год, потраченный на развод, – два. И год нового брака – три. Три с половиной года прошло, как над ее любовью надругались, а рана ее все не затягивается. Все кровоточит и кровоточит…

– Верочка, успокойся, – попросила она себя еле слышно, боясь снова расплакаться. – Не об этом сейчас надо думать.

Конечно, не об этом. Каникулы на носу. А это целая неделя безмятежного отдыха. Сна до десяти, а может, и до одиннадцати. И никаких тебе тетрадей, планов, зачетов. Вот о чем стоит подумать, а не о том, что видела его сегодня снова. Об этом и еще о чем-нибудь постороннем. Баловнев вон какие-то неприятности напророчил. Может, что надумал сделать на каникулах? А что! Времени полно свободного. Почему бы его не посвятить тому, чтобы потрепать ей нервы в неформальной обстановке?..

Из-за поворота, прямо из-за угла строительного техникума, показался «пятнадцатый» автобус, и Верочка припустила к остановке.

Она долго топталась у открытых дверей, дожидаясь, пока сойдут студенты. Потом влезла в автобус, решила пробраться к своей любимой задней площадке и тут наткнулась взглядом на знакомый затылок, сразу же резко повернула направо к местам для инвалидов и детей.

Сан Саныч! Только вот встречи с ним ей сегодня для полного счастья не хватает. Все уже случилось – и встреча с бывшим, и наскок Баловнева, – остался только Сан Саныч.

Только не это! Верочка даже глаза зажмурила от возможной перспективы общения со своим участковым инспектором. Если он сейчас ее заметит, если подойдет, она точно на ходу выпрыгнет. Или наговорит ему целую кучу дряни, чтобы он навсегда забыл о ее существовании или счел дурной женщиной. Может, тогда он решится оставить ее в покое и перестанет с ней говорить о проблемах воспитания подрастающего поколения…

Хвала небесам, Сан Саныч ее не заметил! Или заметил, но постеснялся подойти. На него иногда накатывало стеснение, и он ее старательно обходил стороной. Что им двигало в такие моменты, Верочка затруднялась сказать, но умоляла провидение как можно дольше затянуть этот период, чтобы ей не пришлось снова и снова отбиваться от навязчивого участкового.

Глава 3

Он просто ненавидел себя в такие вот моменты. И себя, и ее, да и весь мир тоже ненавидел, наверное. Эта ненависть черной желчью разливалась по венам, всякий раз отравляя ему жизнь и напоминая о том, какой он никудышный.

И сразу виделся он себе не молодым мужиком тридцати пяти лет всего лишь. Разве это возраст для мужика-то! Не обеспеченным жилплощадью и средствами: все ж таки однокомнатная квартира в центре города – это не пустое место; да и три зарплаты в месяц, в общей сумме что-то около двадцати тысяч, – это тоже повыше минимального прожиточного уровня. А виделся он себе в такие минуты несостоявшимся неудачником. Отвратительным, жалким, пустым неудачником. И намечающаяся плешинка на макушке сразу разрасталась в размерах. И мышцы дряхлели просто на глазах. И лицо казалось настолько заурядным, что любой преступник со щита «Их разыскивает милиция» в сравнении с ним смотрелся красавцем. Благоустроенная квартира тут же превращалась в неухоженную холостяцкую берлогу. А заработок… смешно сказать! Его заработок и приработок едва дотягивали до планки пособия по безработице.

И вот тогда Сан Санычу мгновенно хотелось умереть или, на худой конец, спрятаться куда-нибудь. Чтобы его никто не видел и чтобы он сам себя не видел.

Он мчался домой. Запирал квартиру на оба замка и для верности накидывал цепочку. Отключал телефон и сворачивался клубком на диване, спрятав ноющую от мыслей голову под подушку. В такие минуты ему было почти физически больно от ненависти к самому себе, и он выл в ту самую подушку, которой накрывал лицо. Иногда удавалось забыться тяжелым сном, но легче от этого не становилось. Потому что во сне к нему являлись злые демоны и рвали его душу и сердце в клочья, утробно хохоча и завывая: «Ты убил их, сука! Это ты виноват!.. Их кровь на твоих руках!!! Что ты скажешь их детям???»

Он не знал, что им сказать, потому что все эти десять лет считал себя невиновным. И крови ничьей на своих руках не ощущал, а уж тем более вины за чью-то смерть. Только… Только доказать он этого не сумел. Тогда не сумел, а теперь было уже поздно. У него были какие-то слова, тогда, десять лет назад. Слова, возражения, доказательства даже какие-то имелись, но вся беда состояла в том, что его никто не слушал. Никто не захотел его выслушать, отстранив, задвинув в угол и тем самым скомкав его жизнь, его карьеру, его мечты о погонах, уважении и простом человеческом счастье. И счастье прошло мимо. И не просто прошло, а проскакало, припустив в галоп. Его бросила девушка, на которой он собирался жениться. От него шарахались при встрече друзья, а если и не шарахались, то, вымученно улыбнувшись, спешили проститься. Даже родители перестали звать его на выходные и праздники, все больше справляясь о здоровье по телефону. Он остался один. Совершенно и безнадежно один. Все бродячие кошки и коты сбегали от него через неделю-другую, а попугай сдох через месяц, застряв в переплете клетки. За это, кстати, он себя тоже ненавидел.

А потом в его жизни появилась женщина. Нет, две женщины, а если точнее, то целых три, которые немного изменили его жизнь. Он слегка приосанился, зауважал себя и даже позволил надеяться на что-то. Но вся беда заключалась в том, что одна из этих трех совершенно не подозревала о переменах в его жизни и продолжала сторониться его и при каждом удобном случае старалась исчезнуть из поля зрения, как вот сейчас…

Сан Саныч Назаров печально смотрел из окна уходящего автобуса вслед удаляющейся Верочке, отмечая про себя, что сегодня она выглядит печальнее, чем обычно. Может, из-за колготок? Когда она поднималась на автобусную подножку, он успел заметить дырку на ее колене. Да нет, вряд ли. Вера Ивановна Хитц не настолько примитивна, чтобы печалиться из-за пары недорогих колготок. Тут что-то другое. Что-то более серьезное…

От собственных мыслей Назарову сделалось тревожно. Почему?.. Вот почему он не рядом с ней?! Он же должен быть рядом, чтобы опекать, защищать и хотя бы просто надеяться. Ему же ничего от нее не нужно, кроме… кроме благосклонности. А Вера Ивановна не была к нему благосклонна, она была с ним вежлива и холодна. Порой чрезвычайно холодна. И вот когда это «чрезвычайно» приключалось, он особенно остро чувствовал свою никчемность.

– У тебя, старик, ни на чем не основанный комплекс вины, – объяснил ему как-то школьный приятель, единственный, кто остался с ним из прежней его жизни. – Тебе надо от него избавляться.

Легко сказать «избавляться»! Как???

– Нужно не держать этот комплекс в себе, а говорить с кем-нибудь о нем, – умничал все тот же бывший одноклассник. – И говорить как можно чаще.

О том, что Назарову не с кем было разговаривать не только об этом, а вообще обо всем, его приятель не подозревал. Он появлялся в стране наездами раз в два-три года, давал дельные советы и, не подкрепляя их помощью, опять уезжал.

И Сан Санычу ничего не оставалось делать, как снова страдать и мучиться ожиданием. Зимой еще было ничего. Рано темнело. На улице было холодно. Рабочие будни тянулись уныло, и домой хотелось просто от необходимости согреться и лечь спать. Но сейчас… Сейчас, когда весна в полном разгаре, когда стены квартиры не просто угнетают, а давят, мешают думать, а то и просто дышать, Назаров испытывал какое-то странное, просто юношеское томление. Был бы рядом приятель, он бы мгновенно все списал на гормональный выброс, но его рядом не было, и потому Сан Саныч не собирался давать своему чувству такого примитивного объяснения. Все было более серьезно. Жаль только, что Вера Ивановна не хотела этого понимать…

Глава 4

Геральд Всеволодович Хитц только что отпустил начальников цехов после затянувшегося еженедельного совещания и сидел теперь, тупо разглядывая потухший монитор компьютера. Итоги за неделю не могли не радовать. Все шло по плану, никакого нарушения сроков, срыва плановых заданий или просроченных отгрузок. Все, как всегда, слаженно, споро и прибыльно. Пять лет назад, ухватившись за идею производства пищевых полуфабрикатов, он и представить себе не мог, что дело так быстро пойдет в гору. А оно не просто пошло, оно поперло, взлетело. Производственные мощности разрастались, товарооборот тоже, ну а вместе с ними и прибыль соответственно.

Геральд поменял машину, потом квартиру, а потом и жену. Все прежнее вдруг сделалось ему маловато и здорово действовало на нервы, как старые тесные ботинки. И он поспешил от всего этого избавиться. Поспешил…

Может, и правда поспешил? Может, стоило повременить, подождать… Может, она бы изменилась – его несовременная, сдержанная на эмоции жена. Привыкла бы к его деньгам и к роскоши и со временем начала бы испытывать во всем этом потребность. И жили бы они, как жили, все втроем. И Данилка бы не сопел сердито в телефонную трубку, когда отец в очередной раз переносил их ежемесячное свидание. В этом месяце снова ничего не получится. Время, отведенное на встречу, будет потрачено на отдых с молодой женой в Ницце. А он ведь хотел взять сына с собой! Видит бог, хотел! А Вера не разрешила. Ну что за сука баба!!!

– Сука! – зло прошипел Геральд своему всклокоченному отражению в черном зеве монитора. – Сука!!!

Никогда не мог себе представить Геральд, что будет так ее ненавидеть. Остро, люто и навсегда. Ненавидел ее целомудренную красоту, ее незыблемую верность и непоколебимое самоотречение. Ох, как он все это в ней ненавидел!

Длинные гладкие волосы почти льняного оттенка… Такие густые, что автоматические заколки летели одна за одной, не в силах их удержать. И тогда она придумала убирать их в дурацкий пучок, закалывая шпильками! Открывала высокий лоб и длинную шею, зачесывала волосы с висков и затягивала их в тугую загогулину. Ну, кто так сейчас причесывается? Кто, кроме нее?!

А что она делала с глазами… Изумительные по форме и цвету глаза Вера ухитрялась оттенять дешевой косметикой, совершенно искренне недоумевая, почему она должна тратиться на дорогую, если ее каждый вечер нужно смывать. И ее совершенно необыкновенные бирюзовые глаза просто терялись за слоем идиотской малярной краски. Губы… Губы она вообще не красила. Раньше он считал, что в этом совсем нет нужды, он мог ее поцеловать в любой момент без боязни накушаться помады. Потом это стало его раздражать. Ну нельзя же быть такой тривиальной! Ну надо же хотя бы как-то выделяться из серой толпы.

Вера считала, что не надо. Не надо краситься, красиво укладывать волосы, красиво одеваться, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры…

Вспомнив о ее фигуре, Геральд снова заскрипел зубами.

Данных, подобных Веркиным, он в природе не встречал. Видел пару раз на подиуме у высокооплачиваемых моделей, и все. В реальной жизни такого полного пакета ему больше не встретилось. Всякий раз что-то было да не так. У одной ноги чуть полноваты, у другой талия подкачала, у третьей грудь не мешало бы приподнять. Даже его теперешней жене пришлось лечь под скальпель, чтобы достичь того, что Верке досталось за здорово живешь.

У Верки ноги росли, как принято теперь говорить, от ушей. И были такой совершенной формы, что ей вообще стоило ходить без юбок. Она же носила рясы. Длинные, бесформенные одношовные рясы, которые назвать юбками у него не поворачивался язык.

Ее талию Геральд обхватывал ладонями даже после того, как родился Данилка. Упругий плоский живот с крохотной родинкой слева от пупка. Красивые руки с изящными ладошками. И грудь… Геральд глубоко вздохнул и тяжело, с присвистом выдохнул. Такой груди не было больше ни у кого. Ника свою дважды корректировала, пока достигла формы, понравившейся ему. Верке этого не требовалось. Ей вообще ничего не требовалось, кроме одного: облачить свое совершенное тело в одежду, которая бы ей подходила.

Она этого не делала никогда и не хотела понимать и принимать его претензий. Он боролся. Во всяком случае, пытался это делать. Ничего не вышло. Она убирала в дальний ящик дорогие модные тряпки, которые он покупал ей, снова влезая в чудовищные по форме сарафаны и свитера.

Это тоже была одна из причин его лютой ненависти.

А еще Геральд ненавидел Верку за ее понимание. Ох, как омерзительно ему было ее молчаливое понимание! Она же обо всем буквально догадывалась. Но его ночным отлучкам, и следам от губной помады на рубашках, и даже синякам на его шее находила какое-то объяснение. Ни разу за прожитые годы она не закатила ему скандала. Не предъявила счета за свои слезы и бессонные ночи. Не вцепилась в волосы и не расцарапала лицо. Не то чтобы он испытывал потребность в подобной экзотике, но самолюбие-то у нее должно было быть! А его не было, самолюбия! Оно у нее напрочь отсутствовало. Потому и стыдно ей было красиво наряжаться и ходить в дорогих тряпках на уроки в школу, где не все дети досыта кушали. Да и на фоне своих затрапезных коллег не хотелось ей блистать. Скромная, мать ее… Эта самая скромность ее и сгубила.

– Доскромничалась, сука! – зло прошипел Геральд, переломив пополам простой карандаш.

Под правым ребром тут же неприятно заныло, и в горле заскребла изнуряющая изжога. Все, начинается. Теперь будет печь до тех пор, пока он не разведет в стакане омерзительный на вкус порошок и не уляжется правым боком на грелку.

Верка как-то быстро с этой его хворью справлялась. Какую-то травку насует в термос, зальет кипятком на ночь, а утром добавит в чай. И никаких тебе болячек, даже если приходилось и понервничать. И еще она готовила потрясающую овсянку ему на завтрак. Что-то такое взбивала, перемешивала, кипятила, засыпала, потом накрывала кастрюльку сложенным вчетверо полотенцем и через десять минут его кормила. Ничего подобного он больше нигде не пробовал. В этом, кстати, ему тоже виделась причина его иссушающей ненависти. Все-то она понимала, всем-то обладала, со всем справлялась. Только вот с ним не сумела справиться! Не-су-ме-ла! Он взял, да и вышел из-под контроля, как разбушевавшаяся стихия. Из-под контроля ее всепрощения и всепонимания. Он просто ушел от нее раз и навсегда. А потом женился на молодой и резвой, словно необъезженная лошадка, Нике.

Ника была Веркиной полной противоположностью. Она не любила читать книг, не желала работать, презирала скромность, ни черта не хотела понимать в его загруженном рабочем графике и была непозволительно сексуальной. Он мог любить ее когда угодно, где угодно и сколько угодно, если это позволяло ему настроение и покачнувшееся в последнее время здоровье.

– Сука!!! – снова прошипел Геральд с мучительной гримасой, вспомнив о грязных Веркиных намеках сегодняшним утром в аптеке.

У него иногда случались сбои в постели. Если уставал, спал по четыре часа в сутки или совершал длительный перелет из разных часовых поясов. Она не теребила его тогда, опять-таки все понимая. Купала, как ребенка, намыливая голову и натирая спину жесткой мочалкой. Потом снова поила чаем, который пах земляникой и летом. Укладывала спать и, подоткнув со всех сторон под него одеяло, исчезала в другой комнате. Утром он просыпался

полный сил и с ходу начинать к ней приставать. Стягивал без церемоний с нее убогую байковую пижаму и…

– Какая же она все-таки сука!!!

Боль под правым ребром сделалась просто невыносимой, и рука сама собой потянулась к телефонной трубке. Ответили ему после третьего гудка.

– Привет, это я… – пробормотал он, услышав знакомый мужской рокот на другом конце провода. – У меня проблемы… Да, она, проклятая! Надо что-то делать и незамедлительно… Хорошо. Да, да, я согласен на любую сумму. Сроки… О сроках давай попозже.

Ну, вот и все. Он наконец-то решился. Что будет дальше, он пока не знал. Для начала нужно решить хотя бы эту проблему…

Глава 5

– Саня, привет, – воскликнул за его спиной знакомый до судорог голос. – Как жизнь молодая? Не женился еще, нет?

Назаров медленно повернулся к щеголеватому майору и по-уставному взял под козырек.

– Ладно, че ты в самом деле! – совсем не обиделся майор, довольно хохотнув. – Ты куда сейчас, не домой, нет? А то подвезу…

Сан Саныч молча мотнул головой, что, мол, не домой я. Хотя как раз туда и собирался. Потом вымученно улыбнулся и осторожно спросил:

– Как дела у вас в убойном?

– А что у нас! У нас, как всегда! Все тип-топ. Ты-то как?! Черт, сколько времени не виделись, а ты все такой же. Не стареешь совсем. А я вот… – Тут он постучал себя по обширной лысине и посетовал: – Видишь, как нелегки наши будни. Тебе-то хорошо, ты в семнадцать ноль-ноль до дома, до хаты. А тут…

– Так перешел бы, – снова очень осторожно порекомендовал Назаров и повернулся, чтобы уйти, но потом не сдержался и все же добавил: – У нас сейчас как раз есть вакансия. Гошка Манаев в охранную фирму перешел.

– Ты что это серьезно? – Майор шлепнул себя по упитанным ляжкам и утробно захохотал. – Ну, ты даешь! С чувством юмора у тебя по-прежнему все в ажуре… Меня в участковые!!!

– Ладно, бывай, Степа, мне пора. Нужно еще на пару квартир наведаться. – Назаров беззвучно скрипнул зубами и пошел коридором к лестнице.

Ему кто-то попадался на пути. Он кому-то кивал. Кто-то даже протягивал ему руку для приветствия, но Назаров не смог бы с определенной точностью сказать, кто именно с ним здоровался. Глаза прочно застлало плотной пеленой, и ничего поделать с этим было нельзя.

Он совсем не ожидал встретить Степана здесь. Не ожидал, а вот встретил. Столько лет прошло, но ничего не забыто. И все тот же липкий пот пополз по спине, майка тут же влипла в кожу. И кулаки судорожно сжались, и слова все куда-то сразу пропали. Те самые, что он хотел сказать, да так и не сказал несколько лет назад.

Степка, Степка… Как же так вышло-то?..

Как так могло получиться, что он вышел в ту ночь сухим из воды, свалив всю вину на него – Назарова?! Как у него все это гладко проскочило: и объяснительные, и рапорты, и доказательства. Да такие нашлись доказательства, что Назарову даже рта не дали раскрыть, удовлетворившись Степкиными объяснениями. В результате он стал героем дня, а Саня Назаров – врагом народа. Пускай не народа, а малой кучки его, но зато какой! Он до сих пор не мог забыть несколько пар недоуменных детских глаз, провожающих его на кладбище. Им же – детям этим – тоже объяснили все совсем по-другому. Им тоже указали на него, как на плохого дядьку. Пусть судить его было не за что, не нашлось такого закона в Уголовном кодексе. Зато был другой суд, суд совести, который он устроил самолично для себя…

Крепко стиснув губы, Назаров вышел на улицу и вдохнул воздух полной грудью.

Весна… Которая по счету весна, которая проходит мимо, как вся его жизнь. Которая же? Десятая? Да, пожалуй, что так. Десять лет душевных экзекуций, десять лет изнуряющего одиночества, вынужденной изоляции от всех и всего. Это тот срок, к которому он сам себя приговорил, похоронив двух своих лучших друзей Ивана Самойлова и Серегу Станового…

Операция в ту ночь казалась пустяковой. На пульт поступил сигнал о взломе складского помещения мебельной фабрики. Вневедомственная выехала, вернулась ни с чем. Все,

говорят, тихо. Только угомонились, снова сигнал. И следом телефонный звонок. Запыхавшийся сторож звонил и что-то кричал о взломе и пистолетах. Потом отключился, и ехать пришлось уже им.

Их было четверо в ту ночь: Иван Самойлов, Серега Становой, Степка и он.

Они подъехали к складу на окраине города и рассредоточились. Назаров Александр Александрович, тогда еще старший лейтенант, был их начальником. Они рассредоточились, желая взять злоумышленников в кольцо, если, конечно, таковые имелись. Как оказалось, имелись… И не один, и даже не два, а целая преступная группа, которая с двух выстрелов уложила его ребят и беспрепятственно скрылась. Сторожа потом тоже нашли, но с аккуратной пулевой дырочкой в сердце…

Никто не был виноват в их смерти, кроме скрывшихся преступников. На них мог нарваться и он, и тот же Степка, но судьба распорядилась иначе. Многие говорили потом, что им нужно было держаться вместе, а не разбиваться поодиночке. Назаров хотел им возразить и объяснить, как на самом деле обстояло дело, но его не стали слушать.

Ребят похоронили героями. Степку, который кого-то даже преследовал, но упустил, тоже причислили к героям. Один Назаров остался в изгоях. Его сняли с должности и потихоньку вытеснили из отдела, а потом и из отделения. Пришлось переводиться в соседний райотдел и влачить там нудные будни в участковых. А вот Степка остался, и занял его место, и, кажется, неплохо на нем обжился…

Назаров медленно пошел по аллее, обсаженной кизильником. Кустарник сильно разросся, скрывая почти полностью проезжую часть. Но Степка все равно его углядел, и остановился на новенькой «Ниве», и засигналил пронзительно, приглашая сесть в машину. Пришлось продираться сквозь лохматые кусты и усаживаться с ним рядом.

– Чего пешком-то? – искренне изумился Степка, сворачивая на улицу Нахимова. – Сказал же, подвезу.

– Да ладно, прошелся бы… – вяло ответил Сан Саныч, отворачиваясь к окну. – Ты меня у магазина высади, поесть чего-нибудь перехвачу.

– Все в холостяках? А как же Танюша? Так и не вернулась к тебе? – Степка на полном ходу пролетел на светофор и строго погрозил кулаком метнувшейся к бордюру старушке. – А я вот женился уже пять лет как. Детей, правда, нет. Боюсь я… Вдруг, как ребята… У них ведь детворы по двое на рыло было, кажется… Кому они, кроме отца, нужны-то…

Назарову очень хотелось дать Степке в морду. Прямо в сытую, пышущую довольством морду. И чтобы не выделывался он перед ним, и чтобы не вспоминал того, чего не надо. Танюшку он вспомнил, гад! А как к ней подкатывался, когда Назаров уезжал в командировки, забыл? И как уговаривал бросить его, недостойного, и соединить свою жизнь с ним – со Степкой, – удачливым и крутым… Сволочь…

– А жена у меня журналюга, Саня! Видал! Не училка там какая-нибудь или врачиха недоученная, таблетки-мандетки там разные, а журналист! И в издании солидном работает, и деньгу приличную зарабатывает, – продолжал распинаться Степка, безбожно игнорируя все дорожные указатели. – С виду, правда, Таньке твоей уступает, но тоже ничего, стройная.

– Останови, – попросил сквозь зубы Назаров и кивнул на супермаркет: – Пойду я.

– Ага, – не стал спорить его бывший подчиненный и лихо притормозил около автобусной остановки. – Я че хотел спросить у тебя, Саня…

Назаров уже выбрался на улицу и стоял теперь на бровке тротуара, нетерпеливо поигрывая дверным замком. Степкиных вопросов он опасался. Они частенько несли в себе скрытый смысл. Брякнешь что-нибудь невпопад, а потом сиди и ломай голову, где ты с ним облажался.

– Ребята болтали, что на участке у тебя неспокойно, – вдруг проговорил Степка.

– У меня?! – сказанному Назаров удивился, только вчера он получил от начальства благодарность за относительно благополучную обстановку. – Ты что-то путаешь, Степа. У меня все в порядке. Все в предельно допустимых концентрациях.

– Самогонку гонят? – широко ухмыльнулся Степка.

– Гонят. Продают потихоньку. Наркотиков нет, проституток тоже. Пара притонов имелась, прикрыл. Трусы с веревок не воруют, если ты об этом.

– А старушки? – вдруг насторожил его Степка.

– Что – старушки? – Назаров мгновенно собрался и нетерпеливо уже посмотрел на часы. – Пора мне, Степа. Кушать очень хочется, я же сегодня без обеда.

– Так что там со старушками? – не хотел униматься его бывший подчиненный. – Слышал, осаждают они тебя последнее время. Или вымирают, что-то я не так хорошо понял из беседы.

Сан Санычу все сразу стало понятно. Это Виктор Авдонин – сосед по кабинету – наверняка проговорился. Не нужно было при нем… Молодой он, смешливый. Все-то у него несерьезно, все лажей отдает. Одно слово – зелень! Пришел перекантоваться на время призывного возраста, вот и прикалывается. Сидел за своим столом прямо за спиной у пожилой женщины и делал ему – Назарову – страшные глаза, а потом ржал еще с полчаса, когда та ушла. Он так и сказал тогда: весенний мор на старушек объявлен… А Степка тут же возбудился, своего криминала ему мало, нужно еще из соседних районов прихватить. Выслуживается, мерзавец…

– Так что там со старушками? – повторил Степан и завел мотор.

– Все в порядке. Ничего страшного, кроме маразма, разумеется. Спи спокойно, Степа, – порекомендовал ему Назаров со смешанным чувством неприязни и облегчения от того, что вот сейчас Степка уедет, и он его еще, наверное, лет десять не увидит, а если повезет, то и вообще никогда.

Степан принужденно рассмеялся и уехал, оставив Назарова столбом стоять на автобусной остановке. Нет, он поначалу собирался прямиком двигать в магазин, но, заметив «пятнадцатый» автобус, замер. А вдруг Вера Ивановна на нем сейчас приедет. Не беда, что каникулы, ее могли просто вызвать в школу по какой-нибудь причине. Вдруг приедет…

Автобус подъехал, содрогнулся большим оранжевым телом, сердито вздохнул и распахнул облупившиеся двери.

Верочки не было. Конечно, каникулы же. Наверняка дома со своим мальчишкой. Славный мальчишка. Голенастый и вихрастый, с постоянной настороженностью на смуглой мордахе. Назаров тоже о таком мечтал в свое время. О таком сыне. Пусть бы огрызался и уроки прогуливал. И мешок свой бесформенный, которым теперешняя молодежь заменила портфели, бросал бы всякий раз у порога. И даже двойки пускай бы таскал из школы. Лишь бы… Лишь бы он просто был, господи!..

Это назаровская несбыточная мечта номер один. А вторая… А вторая звалась Верочкой Хитц, и была она еще более несбыточной, чем первая.

Он взял в руки металлическую корзинку и вошел в отдел. Долго бродил по огромному залу, натыкаясь на загруженные доверху тележки, которые толкали перед собой озабоченные люди. Что можно каждый день набирать в таком количестве? Он присмотрелся. Какие-то яркие шуршащие упаковки, бутылки с кетчупом, упаковки печенья, сосиски, масло… Как, оказывается, много нужно семейным людям. Ему вот достаточно пакета молока, батона, пары пакетов супа и десятка яиц. Колбасы и сыра он купил еще позавчера и пока не успел все съесть. Аппетита в последние дни совершенно не было. Выходил с бутербродом и кружкой кофе на балкон, свешивался через перила и подолгу смотрел на затихающий к ночи город. И кофе безнадежно остывал, и бутерброд оставался забытым.

– Здрассте, Вер Иванна, – услыхал Назаров сзади и резко обернулся.

Верочка!..

Милая, пригожая Верочка… И какие-то девчушки, взявшие ее с трех сторон в кольцо и что-то оживленно рассказывающие. Верочка им нежно улыбалась, держа битком набитую магазинную корзину перед собой. На ней была незнакомая Назарову коротенькая курточка цвета спелой вишни и черные брюки в обтяжку. А еще остроносые ботинки на тонких изящных каблуках. Вся одежда удивительно шла ей и очень ее преображала, делая еще более привлекательной и еще более чужой.

Назаров сделал было шаг в ее сторону, но вдруг передумал. Вспомнил, что на нем форменная дерматиновая куртка с облезлыми карманами и лопнувшим по шву рукавом. Что ботинки он хоть с утра и вычистил, но уже успел влезть в непросохшую грязь и выпачкать их по самые шнурки… Не место ему рядом с такой красавицей. Она же такая вся… Такая шикарная, такая эффектная. И волосы, которые он впервые видел распущенными, были прекрасны. И улыбка ее…

Назаров отвернулся и, ссутулившись, побрел к кассам. Не дойдя до них метра полтора, он необдуманно как-то схватил с полки бутылку вина и огромную коробку конфет. Такую огромную, что она даже в корзину не влезала, и ему пришлось держать ее под мышкой. Зачем ему этот джентельменский набор, он не знал. Пить он не любил, тем более в одиночестве. К шоколадным конфетам так вообще был равнодушен. Когда десять лет назад он тащил в дом подобный набор, конфеты обычно доставались Татьяне.

– Здравствуйте, Александр Александрович!

Верочка!!! Боже мой, нет! Такого просто быть не могло! Чтобы она заметила его и первая поздоровалась…

По спине снова поползли предательские капли пота. Назаров повернулся к ней и покраснел, как обремененный гормонами подросток.

– Здрассте, Вера Ивановна, – пробормотал он, испуганно дернув кадыком. – Прекрасно выглядите. Я бы даже сказал… необыкновенно прекрасно.

– Спасибо. – Она кивнула в сторону кассы. – Кажется, ваша очередь.

Назаров, громыхнув, установил свою корзину и принялся выкладывать продукты перед кассиршей. Управилась та мгновенно, пропустив все через светосканер и пошвыряв в сторону.

– Триста сорок четыре рубля, девяносто три копейки, – отчеканила усталая девица, даже не взглянув на него. – Три копейки поищите, пожалуйста…

Трех копеек не нашлось, как и сорока четырех рублей. Назарову едва плохо не сделалось прямо у кассового аппарата. Он же брал с собой деньги! Он же помнит, что утром взял целиковую бумажку в пятьсот рублей. Почему сейчас-то только триста?! Вспомнил! Они сдавали по двести рублей Лидочке-секретарше на день рождения. Что же делать-то?!

– Гражданин! – Девушка подняла-таки на него взгляд. – Платить собираемся или нет?

– Да, да, только у меня не хватает, – пробормотал сконфуженно Сан Саныч, более всего желая в данный момент оказаться за тридевять земель отсюда, и чтобы в затылок ему не дышала Верочка и не смотрела, как на последнего чудака чудного. – Понимаете, сегодня сдавали Лидочке на день рождения, думал, у меня хватит…

– Господи, да мне-то какое дело до вашей Лидочки?! – вдруг неприятно взвизгнула кассирша. – Ставьте на место бутылку тогда, а еще милиционер называется!

Назаров ухватился за горлышко бутылки, намереваясь вернуть ее обратно на прилавок. Но тут на его лопнувший по шву рукав легла аккуратная ладошка Верочки.

– Погодите, Сан Саныч, – пробормотала она таким виноватым тоном, будто ей было стыдно за него. – Я добавлю. Сколько вам не хватает?

– Не нужно, что вы! – В этот момент он как никогда ненавидел себя. Надо же было выставить себя таким идиотом, да еще в присутствии той, о которой день и ночь мечтает. – Взял вот зачем-то бутылку вина… А зачем?.. Я ее сейчас на место поставлю.

– Перестаньте, – добавила Верочка досадливо, вытащила из кошелька пятьдесят рублей и протянула их кассирше. – Вот, возьмите… И не стоило скандалить по таким пустякам.

Ее хорошо поставленный учительский тон вдруг осадил не в меру строптивую барышню. Она виновато шмыгнула носом, отсчитала сдачу Назарову и принялась метать по прилавку теперь уже Верочкины упаковки.

Сан Саныч, без меры суетясь, посовал свои покупки в пакет и медленно двинулся к выходу, дожидаясь, пока Верочка его догонит. Догнала она его уже на улице.

– Вера Ивановна, я вам сегодня же занесу деньги, – проговорил Назаров, глядя куда-то поверх ее хорошенькой головки. – Извините за глупую сцену…

– Не стоит так волноваться, – перебила она его и, кивнув, пошла в сторону своего дома.

Вот и все…

Назаров стоял и с тоской смотрел ей в спину. Хорошая спина. Узкая, плавно переходящая в такую тонкую талию, что он наверняка обхватит ее пальцами. И бедра. Черт побрал бы все на свете, какие у нее бедра!..

Он подавил судорожный вздох. Мотнул пакетом, для чего-то заглянул в него. Увидел злополучную бутылку с вином, коробку конфет и вдруг решительным шагом направился следом за Верой.

Он знал, что она с трудом терпит его присутствие. Знал, что видеть его ей почти неприятно, но все равно шел, с каждым новым шагом делаясь к ней все ближе и ближе.

– Вера, – позвал Назаров, осмелев настолько, что напрочь позабыл об отчестве. – Подождите, пожалуйста.

«Начинается! – подумала она, услышав знакомый глухой голос за спиной. – Сейчас будет мямлить, пороть чепуху о криминогенной обстановке в районе, о детской преступности и что-нибудь еще о ее подрастающем сыне. Какая скука, боже мой! Почему именно он?! И почему именно она?!»

Назаров догнал ее и пошел рядом, совсем не озаботясь тем фактом, что она не приостановилась и даже не оглянулась на его оклик. Просто шел молча и слушал, как сумасшедшим филином ухает в груди его истомившееся сердце. А еще с раздражением наблюдал за тем, как ступают по земле рядом с ее узконосыми ботиночками тупые носы его грязных ботинок. Угораздило же в грязь где-то влезть! Наверное, когда сквозь кизильник к Степкиной машине пробирался, тогда и выпачкался в рыхлом черноземе…

– Что вы хотели, Александр? – Верочка чуть подумала и все же добавила: – Александрович…

– Да ничего, собственно, – рассеянно ответил Назаров, заприметив впереди лужу, в которую вознамерился ступить, чтобы ополоснуть ботинки. – Просто идти рядом с вами. Слушать вас.

– И все?! – Верочка внезапно остановилась и с удивлением уставилась на него.

– Что?! – Он вдруг услышал сам себя, понял, *что* сказал, и жутко перепугался. – Простите, я не хотел вас обидеть и… другого вообще-то не хотел ничего сказать. Мне и в самом деле приятно видеть вас. Вот…

И он очень жалко и очень принужденно улыбнулся ей.

Вот так так! Вот вам и участковый! Она просто не знала, что сказать. Как это ему приятно с ней?! Что он имеет в виду?! А как же криминогенная обстановка в районе? Подростковая преступность как же?! Он же всегда только об этом и разговаривал, видя в ней прежде всего педагога. Или нет?..

Верочка внимательно присмотрелась к Назарову и обнаружила вдруг, что он совсем еще не старый, а скорее даже молодой мужик. Только одет как-то уж очень мешковато. Но даже под этой одеждой просматривается ширина плеч. И рост у него достаточно высокий. И лицо открытое, приятное. Скулы высокие, подбородок волевой, губы тоже нормальные. Глаза, правда, странные какие-то. Смотрят мимо, словно сквозь тебя. И внешние уголки глаз уж слишком безвольно опущены. Словно у собаки, вот забыла, как эта порода называется. Большущая такая псина, лохматая, с добрыми печальными глазами…

«Что тебе до его глаз? – одернула себя Верочка и притворно закашлялась, прикрывая рот ладошкой. – У Геры вон тоже были чудесные глаза. А почему, собственно, были? Они и сейчас есть, только смотрят уже не в ее сторону…»

– Можно я вас провожу, Вера Иванна? – спросил Назаров, когда молчать уже сил просто не стало. – У вас вон сумка тяжелая. Можно?

– Да не тяжелая она! – рассердилась вдруг Верочка, представив себе участкового в роли ее конвоира.

Район тесный, все буквально друг друга в лицо знают. Тут и ее ученики, и их родители. Старушки опять же у подъезда. И вдруг она в сопровождении участкового, та еще картинка…

– Пожалуй, я пойду, – растерянно проговорила Верочка, заметив, что он расстроился. – Извините меня, Александр Александрович. До встречи…

И она пошла к проулку, который упирался в арочные ворота ее дома. Шла, а сама чувствовала, как он смотрит сейчас ей в спину. Смотрит и теряется, наверное, в догадках, отчего это она так взбеленилась. Что такого он ей сказал? Предложил пакет до дома донести? Подумаешь! Сразу надо было рявкать на человека? Он из добрых побуждений, а она… Пакет-то и в самом деле тяжелый.

– Александр Александрович. – Верочка вдруг оглянулась на него, он все так же продолжал стоять, такой потерянный, такой нелепый в своем одиночестве. – А пожалуй, проводите меня. Мне и в самом деле тяжеловато.

Он поверил и не поверил. Только что вот стоял и смотрел ей вслед. И понимал с острой безнадежностью, что она никогда в жизни не будет с ним рядом. Ни идти, ни жить, ни просто разговаривать. Он для нее ноль, пустое место. Она слишком хороша для него, слишком… И тут она вдруг оборачивается, улыбается ему и просит проводить. В три шага преодолев расстояние, их разделяющее, он подхватил из ее рук тяжелую ношу. И пошел рядом, сбиваясь со своего широкого на ее семенящий шаг.

Какое же это счастье просто идти с ней рядом! Просто идти, слушать, как она дышит, и ждать, просто ждать ее слов, ее улыбки… Какой же придурок ее муж, что бросил такое сокровище! И мальчишку своего вихрастого бросил! Смуглого такого, несмышленого, с вечной настороженностью в глазах. И ради кого?! Ради безмозглой, избалованной, испорченной куклы!!!

Она вдруг что-то сказала, а он не расслышал, слишком занятый своими переживаниями.

– Простите, Вера Ивановна, я не слышал, – пробормотал он, скосив взгляд на ее профиль. – Вы что-то сказали?

– Ничего особенного. Весна… Хорошо так… Дети целыми днями на улице, не загонишь домой. Книг не читают совсем. Это же плохо, наверное, да? – Она намеренно выбрала безопасную тему, ту самую, которую он всегда предлагал ей: тему подрастающего поколения.

Но участковый совершенно неожиданно не принял подачи, а заулыбался широко и открыто. Повернул к ней голову, согласно кивнул и разулыбался. Что-то его сегодня пробрало…

– Чему вы улыбаетесь? – напустила Верочка строгости в голос, сразу сделавшись учительницей. – Разве хорошо, что не читают?

– Не знаю, – он пожал плечами, скрипнув дермантином куртки. – Вспоминая себя, точно могу сказать, что в каникулы почти не читал. Бегал с пацанами по улицам, иногда хулиганил. Не то чтобы злостно, но бывало.

Вот ведь! Попала не в тему, называется. Верочка досадливо нахмурилась.

О чем еще можно говорить с ним, она не знала. Посторонний же, в сущности, человек, которому к тому же отчего-то было приятно идти с ней рядом. С какой, интересно, стати? Может она ему нравиться или нет? Наверное, может. Хотя рассуждать об этом она не станет. После Геры она смотрела на мужчин не как на мужчин, а как на особей, не отягощенных первичными или вторичными половыми признаками.

Боль, которую причинил ей ее бывший муж, была слишком сокрушительной, чтобы она смотрела на них как-то иначе. Потому и сидела в выходные и вечерами дома. И не принимала никаких приглашений, заведомо зная, что будет мишенью для какого-нибудь охотника. Все было старо, как мир, и от того еще более скучно и никчемно. Ей и участкового не стоило сейчас приглашать в провожатые. Придумает еще чего-нибудь себе…

Они прошли переулком, нырнули под арку проходных ворот и, не сбиваясь с шага, пошли к ее подъезду.

Еще от ворот Верочка заметила на стоянке машину своего бывшего. Заметила и едва не застонала вслух. Опять! Ну за что ей такое наказание?! Сейчас вылезет из сверкающего нутра вместе со своей молодой женой и начнет выделываться. Как вот ей на все это реагировать?! Как?! А тут еще этот провожатый, который проницателен до тошноты и правдив, как протокол допроса. Черт, черт, черт…

– Вас ждут, кажется, – проговорил Назаров, сбиваясь с поступи. – Наверное, мне лучше уйти.

– Да почему же? – притворно изумилась Верочка и вдруг, совсем не понимая, зачем она это делает, подхватила его под руку. – Собирались провожать, так провожайте. Или струсили?

Его колючий взгляд просто обжег ее. Она никогда не видела, чтобы он так на кого-то смотрел, а сейчас… сейчас могла поклясться, что на нее он глядел почти с ненавистью. Что-то она сказала или сделала не так, кажется.

– Простите меня. – Верочка продолжала висеть на его руке, старательно обходя не подсохшие на асфальте места. – Когда у меня случаются встречи подобные той, что сейчас намечается, я становлюсь невыносимой.

– Он вас обижает? – спросил Назаров и остановился около ее подъезда. – Давайте призовем его к ответу.

Верочка воровато выглянула из-за его плеча. Гера как раз выбирался из машины. Кажется, он был один. Хоть в этом пощадил ее сегодня. Дважды за неделю наблюдать сцену их семейного благополучия было выше ее сил.

Вот он заправил руки в карманы брюк. Именно заправил, а не сунул, потому что Гера делал это безукоризненно отточенным движением преуспевающего в жизни человека. Потом вскинул голову к солнцу, которое почти перевалило за крышу дома, сощурился, поймав его последний блик в оконном стекле. Чему-то улыбнулся и только тогда медленно двинулся в их сторону. Походка его была божественной. И сам он мало чем уступал божеству. Разве что греховностью помыслов. Что-то он уготовил ей на день сегодняшний…

– Вера Ивановна, если он обижает вас, давайте призовем его к ответу. Я могу помочь. – Назаров напряженно наблюдал за ее лицом.

Ей было больно, он понимал это, как никто, потому что ему было больно тоже.

– Нельзя призвать к ответу человека только за то, что он тебя не любит, – с заметной печалью обронила Вера, забрала у него пакет и, поблагодарив кивком, попросила: – Вам лучше уйти сейчас, Александр Александрович.

– Хорошо. – Он совершенно по-дурацки взял под козырек и пошел прочь, но потом вдруг вспомнил и крикнул: – А деньги я принесу сегодня же!

– Да ступайте уже! – простонала Верочка едва слышно, совсем не заботясь о том, что он может ее услышать.

Он услышал. Замер на какое-то мгновение, а потом, сильно ссутулившись, ушел. Он не видел, с каким брезгливым изумлением наблюдает за ним Геральд Всеволодович Хитц. И не услышал, что за вопрос он задал своей бывшей жене. Если бы услышал, наверное, вернулся бы и, может быть, тогда сумел бы все изменить и в своей и в ее жизни. Но Назаров ушел.

– Что это?! – с плохо замаскированным раздражением проговорил Гера, тряхнув небрежно кистью вслед скрывшемуся под аркой Назарову.

– Правила русского языка настоятельно рекомендуют называть одушевленные предметы словом «кто», – проговорила Верочка, невольно одергивая на себе коротенькую курточку и поправляя волосы.

Она никогда не избавится от дурацкого смущения в его присутствии. Гера постоянно требовал от нее неотразимости, элегантности, а она… Она всегда протестовала, считая это делом второстепенным, ничего не решающим в искренних теплых отношениях. Сегодня вот решилась наконец перетрясти свой гардероб. Нашла самое скромное из того, что он ей когда-то покупал, надела и тут же нарвалась на него. Еще и волосы для чего-то распустила, хотя никогда этого не делала прежде. И легкий ветер их перебирает и путает, она это так не любит.

– Тебе идет, – буркнул вдруг Геральд без переходов и потянулся к ее пакету. – Давай сюда, тяжелый, наверное, раз у тебя теперь участковые в носильщиках.

Верочка послушно переложила ручки пакета в руки бывшему и, не оглядываясь, пошла в подъезд.

– Данилы дома нет. Он в бассейне. Потом собирался к одноклассникам, у кого-то из них новая компьютерная игра, – проговорила она, останавливаясь у лифта.

– Я помню, когда мой сын посещает бассейн, – соврал Гера, совсем об этом забыв и приехав только из желания увидеться с ним. – Мне нужно с тобой поговорить.

– А-аа, ну да, конечно.

Они вошли в кабину лифта. Муж по привычке ткнул кнопку седьмого этажа. Откинул назад голову и принялся изучать мерцающий хромом потолок. Пакет он держал перед собой и слегка похлопывал им себя по коленкам. Все как и раньше… Все, кроме одного: он теперь не принадлежит ей и никогда не будет принадлежать. И черный, как смоль, кофе по утрам ему варит Ника, наверняка не имеющая представления о том, как варить овсянку и для чего она вообще нужна…

Вера отперла железную дверь, оставшуюся еще от их совместной жизни, и пригласила его войти. Скинула с ног ботинки, сняла курточку и пристроила ее на вешалке. Взяла с пола пакет, который Гера поставил, разуваясь, и пошла в кухню.

– Есть будешь?

Зачем она спросила??? Зачем??? Она ни разу с того самого дня, как он поставил новый штамп в своем паспорте, не угощала его даже чаем. Сухо здоровалась, сухо прощалась, иногда удавалось поскандалить, как прошлым утром в аптеке.

Как он теперь расценит ее приглашение? Как пальмовую ветвь? Ей-то уж точно этого не нужно.

Геральд понял все по-своему. Он согласился поужинать. Сел на свое прежнее место у входа напротив окна. И локти совсем по-обычному уложил на стол, но вот потом повел себя как-то странно.

– У тебя кто-то есть? – поинтересовался он осторожно, пододвигая к себе тарелку с макаронами и говяжьим гуляшом. Склонился над ней, шумно потянул носом, обнюхивая ужин, и вдруг блаженно пробормотал: – Вкусно пахнет, как раньше. У тебя что с ним вообще?

– В каком смысле? – Верочке вдруг совсем расхотелось есть.

Вид бывшего мужа – ее Герки, с которым они студентами давились горячими пончиками и обливались молоком из пакета, выводил ее из равновесия. Он был вроде бы тот и не тот совсем.

Манера держать себя, навязанная ему новым положением в обществе; манера растягивать гласные, тщательно подбирая слова; костюм, прическа – это было все новое, незнакомое.

А вот поворот головы, улыбка, то, как он смотрел на нее… это все осталось прежним. И даже пальцы его, длинные, ухоженные, все так же сновали по столу, хватая вилку, нож, отламывая по крошке хлеб.

В горле у нее вдруг запершило, и Верочка поспешно отвернулась к окну.

Их двор… Тот самый двор, в который они переехали, когда Геральд еще не разбогател, заделавшись бизнесменом. Тот самый, где они парковали свою еще старенькую машину и вечерами сидели на качелях, бездумно глядя в звездное небо и мечтая о чем-то несбыточном. О чем же они мечтали тогда? Кажется, о поездке в Сочи. Точно, в Сочи им очень хотелось, всем троим. Они сидели на качелях, складывали возможные расходы, вычитали то, на чем можно сэкономить, умножали на троих, снова считали и, вздыхая, понимали, что еще не время. Пока они себе этого позволить не могли. Может, когда-нибудь потом…

А потом у него случилась Ника, и богатство тоже у него случилось. И он мог поехать теперь не только в Сочи, но и в Ниццу. От одного названия этого курорта Верочку пробирал нищенский мороз. А в Сочи они так и не съездили… втроем.

– Вера! – рявкнул вдруг Гера, роняя вилку и с грохотом лупя стол ладонью. – Ты что, не слышишь меня?! Я в третий раз спрашиваю, у тебя кто-то появился?!

Она часто поморгала, пытаясь прогнать слезы. Потом повернулась и, старательно держась спиной к свету, произнесла совсем не то, что хотела сказать сначала:

– Почему тебя должна волновать моя личная жизнь, Герочка? Если мне не изменяет память, ты уже ровно год, как женат и…

Он не дал ей договорить. Одним рывком приподнял с табуретки свое сильное тренированное тело. В два прыжка оказался у окна. Схватил ее за руки и, с силой оторвав от подоконника, вытолкал на середину кухни.

– Не мое дело?! – Его лицо приблизилось к ее, сделавшись неузнаваемым. – Не мое дело?! Ах ты, дрянь!!! Подлая, распутная дрянь!!!

И он ее ударил.

Никогда он не трогал ее. Орать орал, да так, что соседи начинали стучать по батареям. Но чтобы трогать… Такого прежде не случалось никогда.

– Герочка, ты что? – Вера растерялась, забыв даже испугаться или обидеться, и ухватилась за щеку, которая тут же загорелась от его пощечины. – Ты… ты что себе позволяешь?! Как ты можешь?!

– Я??? Я могу??? Я-то как раз и могу!!! – Он и орать уже не мог, он просто хватал ее руками, стараясь сделать больно, так же больно, как было сейчас ему, и шипел ей в лицо безостановочно, с лютой ненавистью: – Я содержу вас с Данилой, поняла! Я не потерплю, чтобы ты хвостом крутила перед всяким отрепьем! Ты, сука, ни разу при мне не оделась прилично! Ни разу… А сейчас… Сейчас в брюки удосужилась влезть! Ботиночки нашла на антресолях, так? Так!!! У нас теперь мужик объявился, зачем нам теперь волосы в идиотский пучок убирать, нам нужно их по плечам рассыпать! Сука!!! Сука вероломная!!!

И тут он сгреб ее волосы на затылке в горсть, дернул ее с силой на себя и впился губами в ее рот. Он намеренно кусал Верочку, намеренно старался почувствовать на языке вкус ее крови, доводя себя тем самым до неистовства.

Почему его, черт бы все побрал на свете, все еще тянет к ней?! Почему??? Что в этой вялой, безжизненной бабе такого, чего не может дать ему ни одна молодая девка?! Что за струны продолжает она дергать внутри его, отзывающиеся болезненным пустым звоном во всем теле?..

Он же к Данилке ехал. Он же сына хотел увидеть. И рассказать ему про Ниццу. Данила бы точно обрадовался, и не устоял перед искушением, и вцепился бы в мать с просьбой отпустить. Это было непедагогично, это был удар ниже пояса для Верки. Гера знал об этом, но устоять перед соблазном провести несколько дней с сыном он не смог.

Геральд приехал с самыми благими намерениями к своему бывшему дому. Позвонил с мобильного в квартиру. Никто не подошел. Он решил подождать немного и тут увидел свою бывшую жену…

Она была не одна! Она шла под руку с их участковым – бесцветным, бесстрастным малым, описать внешность которого Геральд бы точно не сумел, попроси его кто об этом. Верка висела у него на локте и ласково ему улыбалась. И выглядела при этом совершенно по-новому, совершенно не так, как в их прошлой жизни. На ней была коротенькая курточка и брючки в обтяжку, а еще каблуки, и еще эти ее чертовы волосы… Они свободно падали ей на плечи, и ветер играл белокурыми прядями, делая его бывшую жену совершенно неузнаваемой и такой волнующей. Да что там греха таить! Когда он издали увидел эту парочку, то в первое мгновение не узнал в женщине Веру. Просто походя отметил, что эффектную даму подцепил себе их районный мент, а потом… Потом он едва не задохнулся от острого приступа той самой лютой ненависти, которой жил все эти минувшие два года.

– Брюки ей понравились, мать ее! Я тебе покажу брюки, гадина!!! – выплевывал с подвыванием Геральд, пытаясь разорвать на бывшей жене пояс от брюк.

Пояс не поддавался. Он всегда покупал ей только самое дорогое и самое лучшее. Пуговица, и та не желала уступать, что уж говорить о Верке. С красным и потным лицом, всклокоченными спутанными волосами, она отбивалась от него, что было сил и… молчала. Не кричала, не умоляла отпустить ее, не угрожала и даже просто плакать она не могла. Молча и отчаянно старалась отпихнуть своего бывшего мужа, который, словно безумный, пытался стащить с нее брюки, перед этим разорвав на ней тонкую батистовую рубашку.

Она разомкнула губы лишь однажды. Когда уже трудно было сделать хоть что-то. Когда все человеческое было утеряно им безвозвратно. Когда все самое гадкое и плохое было им уже сказано. И когда на ней не осталось ничего из одежды.

– Опомнись, я прошу тебя, – простонала тогда Верочка и заплакала. – Я прошу тебя, опомнись.

Он не слышал ее. Или не хотел слышать. Он поставил ее на колени прямо посреди их бывшей кухни. Голую, истерзанную, плачущую…

– Сука! Сука… Грязная лживая сука, – повторял он словно безумный с каждым грубым своим движением. Хватал ее за голые бедра, больно дергал за волосы, заставляя вскидывать голову, впивался зубами в ее шею и снова с сумасшедшей ненавистью шептал: – Гадина, мерзкая тварь… Грязная, лживая, дрянь… Увижу еще тебя с кем-нибудь рядом, убью! Так и знай, я убью тебя, если что-то узнаю! Мужика ей захотелось! Получай его…

Потом он застонал протяжно, совсем не так, как бывало это прежде, и оттолкнул ее от себя.

– Убирайся, – процедил он сквозь зубы. – Видеть тебя больше не желаю, дрянь.

Ей было стыдно… Боже, как ей было стыдно! Даже боль, которой отзывалось ее тело на каждое движение, не была такой сокрушительной, как стыд.

Верочка собрала с пола свою одежду, прижала комком к груди и, занавесившись от Геральда волосами, проскользнула из кухни в ванную. Он сидел на полу, облокотившись о стену, и с мрачным торжеством наблюдал за ее неуклюжими передвижениями.

Что о себе возомнила эта баба, в конце-то концов? *Что* она без его помощи и материальной поддержки? Учительница сраная со сраной копеечной зарплатой, которой едва хватит на то, чтобы расплатиться за квартиру. Она же трех дней не просуществует без его дотаций, а они щедрые, весьма щедрые. Геральд сильно был бы опечален, узнай он о том, что его сын в чем-то нуждается. Ну, а где сыну, там и ей перепадает. А ведь он совсем не обязан содержать ее, речь-то ведь идет только о сыне.

– Так, так, так… – Геральд хищно прищурился, прислушиваясь к шуму воды в ванной, сквозь которые прорывались судорожные всхлипывания бывшей жены. – Это что же тогда получается?..

А получалась, на его взгляд, весьма интересная картинка.

Раз Вера пользуется его деньгами, то он имеет полное право пользоваться ею. Почему нет? Кто сказал, что нет? Денежный поток после его ухода ничуть не иссяк, а, наоборот, стал даже полноводнее. Забирать из дома он тоже ничего не стал, включая ее наряды, используя которые она теперь пудрит чужим мужикам мозги. Справедливо? Черта с два! Черта с два есть справедливость в том, чтобы его Верку кто-то имел за его же счет! Она была, есть и будет только его бабой! Жить с ней, конечно, выходить в свет и знакомить с деловыми партнерами было то еще удовольствие. Для этих целей и приобретена им Ника, молодая резвая кобылка, всякий раз вскидывающая ноги, как только он пожелает. А Верка… Верка станет для него той самой отдушиной, без которой он все эти два года задыхался и исходил ядовитой желчью.

– Да будет так, – провозгласил Геральд с довольством и, поднявшись, принялся одеваться.

Данила, конечно же, об этом ничего не должен знать. Для него все останется по-прежнему. Ника, разумеется, тоже. Не то чтобы Геральд ее боялся, нет. Просто поднимет шум, станет ревновать. А к кому ревновать-то? К бывшей жене? Смешно ревновать к призраку, даже если он вполне материален и даже если ты время от времени желаешь с ним переспать.

А он желает с ней переспать или нет?..

Геральд заправил в брюки рубашку, посетовав на то, что оторвал нижнюю пуговицу. Пристроил на место галстук, подтянул петлю и взял пиджак.

Зачем же ему нужно спать с Веркой, а? Следует срочно определиться в чувствах, чтобы они впоследствии не беспокоили его и не причиняли неудобств. Он во всем был таким – Геральд Всеволодович Хитц – строго регламентирующим по датам, категориям и чувствам все, что с ним происходило или только должно было произойти. Такая упорядоченность помогла ему как в бизнесе, так и в частной жизни. Потому и необходимо ему сейчас определить нынешнее Веркино место в его жизни, раз он собрался время от времени, так сказать, ее навещать.

Итак, хотел ли он ее? Как женщину – вряд ли. Да, она потрясающе сложена, ее кожа приятна на ощупь и неподражаемо пахнет какой-то сложной смесью полевых трав. Но нет в ней того огня, который так ему необходим. Нет, хоть визжи от злости! В Нике – есть. В любой другой девке – навалом. В Верке нет его.

Зачем она тогда ему?..

Геральд присел к столу и незаметно для себя в два приема проглотил предложенный бывшей женой ужин. Потом вытащил из холодильника литровый пакет с соком, надорвал его и выпил прямо через край почти половину. Небрежно швырнул пакет с соком обратно на полку. Тот встал как-то боком, как-то не так, неправильно, одним словом. Геральд тут же поспешил исправить ошибку, установив пакет именно так, как это сделала до него жена,

правда, теперь уже бывшая. Он поставил пакет с соком правильно – вплотную к стенке холодильника, рядом с двумя другими и параллельно пакету с молоком и сметаной. А поставив, тут же расхохотался.

Он понял – зачем! Понял, зачем ему нужно трогать его бывшую жену, зачем нужно загонять Верку в немыслимые для нее рамки.

Всему виной, оказывается, была вовсе не его ревность, а ее… правильность. Вот что хотелось уничтожить в ней Геральду. Вот что бесило и душило его все это время – ее правильность и размеренность, и постоянная, как константа, сдержанность, порой сводившая его с ума.

Он нарушил равновесие! Он скомкал ее правильный привычный мир: я одна, и рядом мой ребенок, а муж предатель, он нам не нужен. Ей тяжело далось создание этого нового для нее мира, но она его приняла, а приняв, тут же облюбовала, как устрица раковину, и принялась обживать. Геральд был отодвинут за его рамки, и ему диктовались условия.

А он вот взял и одним махом все перестроил. Чтобы не думалось ей, будто она и только она одна за всех думает и смиренно принимает решения. В гробу он видал ее смирение! Все будет так, как захочет он и только он! Хочет – придет и возьмет ее, нравится ей это или нет. Хочет – не придет, а будет где-то далеко. А она все равно должна сидеть, и ждать его, и вздрагивать от каждого телефонного звонка и стука в дверь. И пускай вздрагивает. Это наказание ей за то, что…

Здесь разгоряченным мыслям Геральда было суждено споткнуться. Дальше не пошло. Тут еще Вера завозилась за дверью ванной, загремела шпингалетом и через минуту вышла оттуда. Старательно отворачиваясь, она прошмыгнула коридором в гостиную, надеясь больше с ним не увидеться. Наивная!

Геральд прошел следом. Заметил, как Вера взялась за дверную ручку их бывшей супружеской спальни, и окриком приказал ей сесть. Она замерла всего лишь на мгновение, но тут же подчинилась.

Села в глубокое кресло, натянув на коленки синий махровый халат, который удивительно шел к ее волосам. Кстати, о волосах…

– Распусти волосы. – Геральд сел в кресло напротив и по-хозяйски развалился. – И давай договоримся…

Верочка испуганно вскинула на него заплаканные глаза, губы ее снова задрожали.

– Ты не ревешь – раз. И я ничего не повторяю тебе дважды – это два. Теперь все будет по-другому, дорогая.

Господи, как ему нравилась эта власть над ней – несокрушимой в своей праведности, – как же нравилась!

– Распусти волосы! – Геральд повысил голос лишь немного, но этого оказалось достаточно.

Ее руки тут же взметнулись кверху. Старомодные шпильки полетели в разные стороны, и волосы, ее чудесные волосы рассыпались по плечам. На него она не смотрела. Опустила глаза на свои подрагивающие пальцы и молила бога поскорее избавить ее от всего этого кошмара.

Вера не понимала… Совсем не понимала, что происходит! На Геральда что-то нашло. Что-то случилось с ним за тот короткий срок, что она не значилась в его законных супругах. Он никогда не был таким раньше. Никогда! Таким безжалостным, таким неистовым, таким гадким… Ее едва не стошнило там, на кухне. Испугало лишь то, что он может снова извратить это как-то по-своему. Может, он ревнует? Вряд ли… На ревность это совсем не похоже. Она была умной женщиной и понимала, что им двигало что-то другое, что-то более страшное, чем просто ревность.

– Тебе хотелось меня унизить, Гера? – вдруг спросила она, не поднимая глаз. – Зачем?! Большего, чем ты для этого сделал, сделать уже невозможно.

– И что же это?

– Ты бросил меня. Я не говорю о сыне, его ты не оставлял никогда. Но я… Я стала тебе не нужна. Зачем тогда все это? – Верочка все же решилась взглянуть на него. – У тебя что-то не так в твоей новой семье? Или проблемы в бизнесе? Что? Ты скажи, я пойму.

И тут он захохотал. Захохотал отвратительно и ненатурально. А потом внезапно оборвал свой смех. Медленно поднялся с кресла. Подошел к ней и навис, словно огромная грозовая туча.

– Поймет она, – передразнил он, гадко скривив губы и исказив свой голос до неузнаваемости. – А мне плевать, что ты можешь, а чего не можешь понять. Плевать, поняла! И объяснять я тебе ничего не собираюсь ни сейчас, ни потом.

Намек был совершенно непрозрачным и вполне конкретным, и Верочка испуганно вскинулась.

– Как потом?! Что ты хочешь этим сказать?!

– Только то, что сказал. – Он вдруг щелкнул ее по носу, не больно, но обидно так, развернулся и, щегольски заправив руки в карманы брюк, двинулся в прихожую, на ходу приговаривая: – Я буду приходить к тебе, когда захочу, дорогая. Как возникнет потребность в тебе, так я зайду. Могу позвонить предварительно, а могу и не позвонить…

– Нет! – тонко вскрикнула Верочка, осознав вдруг, что он совсем не шутит, а говорит эти ужасные вещи совершенно серьезно. – Ты не посмеешь!

– Еще как посмею, – рассмеялся он, на этот раз абсолютно натурально и даже весело. – Иначе ваше ежемесячное содержание сузится до размеров минимальной зарплаты, а это сколько? Правильно, это ровно столько, чтобы заплатить тебе за электроэнергию. А ведь остается еще и питание, и одежда для сына. А питаться он должен полноценно, то есть получать мясо, рыбу, фрукты, соки в полном объеме. Короче, все то, что сейчас есть в твоем холодильнике. Будешь вести себя дурно, все эти изыски с твоего стола исчезнут.

– А как же Данила?!

– А Данилу в таком случае я заберу себе. – Это была еще одна новая мысль, которая ему жутко понравилась.

– В каком случае?

Верочке казалось, что мир за окном померк, сузился до пространства комнаты, в которой ее только что распяли. Все, что было хорошего, светлого и доброго, уже не существовало. Все исчезло под натиском грубой силы, о существовании которой она прежде и не подозревала. Неужели такое возможно?! Неужели можно так манипулировать людьми, которых когда-то считал родными?!

– В каком случае, Гера? – повторила она, метнувшись следом за ним в прихожую.

– В том самом, – хмыкнул он самодовольно, натягивая плащ. – Когда ты не сумеешь его содержать. Любой суд отдаст мне сына на воспитание. Любой, если сравнит уровень твоих и моих доходов.

– Но… Но так же нельзя! Ты не посмеешь!

Вот сейчас она точно готова его убить. Ярая противница любого физического наказания, она готова была убить отца своего любимого ребенка.

– Посмею, дорогая. Еще как посмею. И в Ниццу мой малыш со мной поедет, и будет видеться со мной ровно столько, сколько мне нужно. А ты… – Тут Гера, уже полностью экипированный, вновь двинулся в ее сторону, подошел к ней вплотную, ухватил за подбородок и прошептал, касаясь своими губами ее: – А ты будешь вести себя со мной совсем не так, как вела все это время. Ты теперь будешь умницей. Сговорчивой умницей. И будешь делать все, что я захочу. Ведь так?

Вера крепко зажмурила глаза, но слезы все же просочились сквозь плотно сжатые ресницы и побежали по щекам. Она вытирала вспотевшие ладони о халат и терпеливо молчала. Молчала, даже когда он с силой сдавил ее подбородок холеными пальцами и снова властно повторил:

– Так как, Вера? Ты будешь послушной девочкой? Или… Или мне все же придется решать вопрос об опекунстве над сыном?

Он бил теперь по самому больному, по самому уязвимому ее месту.

Данилка… Он же был ее и только ее! Это же Гера, а не она разрушила их семью. Не она гнала его из супружеской постели и из дома. Он сам ушел. Сам! А теперь чего он хочет?! Хочет измываться над ней?! Жаждет крови или зрелищ?! Мерзкий… Мерзкий поганец, извращенец… Мало ему большеротой макаки, ему еще для полного счастья унижения бывшей жены не хватает…

Вера на мгновение задержала дыхание, снова почувствовав его руки на своей груди.

Может ли она ему противостоять? Могла бы, несомненно, могла бы послать его к черту, если бы не Данила. Гера наверняка все взвесил и все просчитал, заявившись сюда. У него в руках огромный козырь – его деньги. А деньги в современном мире решают все. И если он захочет, он и в самом деле посадит их с Данилкой на хлеб и воду. Ее зарплата… Это смехотворное пособие для того, чтобы не умереть с голоду. Она в восемь раз меньше той суммы, которую Гера ежемесячно им выделяет. Если он отберет эти деньги, то со временем… он отберет и сына.

– Я все поняла, Гера. – Верочка болезненно сморщилась в ответ на его страстный поцелуй.

– Что ты поняла, дорогая?!

Геральд уже даже не спрашивал, он восклицал, заведомо уверенный в успехе своего нового предприятия. Ему всегда и все удавалось, почему же не удастся подчинить себе бывшую жену. Вздор какой! Подчинит, еще как подчинит. Она еще и овсянку ему варить станет…

– Я сделаю так, как ты захочешь, – произнесла она помертвевшими губами. – Это все?

Последний ее вопрос немного подпортил общую картину его превосходства. Но он не стал заострять на этом внимания. По-хозяйски, ощутимо, шлепнул ее ниже поясницы и ушел, громко хлопнув дверью.

Верочка подошла к окну в кухне и пустыми глазами наблюдала за тем, как ее бывший выходит из подъезда, как садится в машину, выезжает со двора. Потом убрала со стола его пустую тарелку. Смахнула крошки в ладонь и швырнула их в раковину. Для чего-то поставила чайник на огонь, будто хотела чаю. Она сейчас вообще ничего не хотела и не чувствовала. А потом присела к столу.

Итак, он лишил ее последнего пристанища – ее относительной свободы. Если еще сегодня утром она считала, что может когда-нибудь, не сейчас, нет, а когда-нибудь попытаться строить для них с Данилой новую жизнь, то после визита Геры все изменилось. Он пришел, и захлопнул окно в ту жизнь, и накрепко заколотил его огромными гвоздями. И сделал это без особых усилий. А она попалась… Попалась, как глупая зайчиха в примитивную ловушку.

Что же делать?!

– Что мне делать? – прошептала Вера и обвела глазами кухню.

Кухня была просторной и дорогой. Всякой бытовой техники в ней было напихано тысяч на двадцать с лишним. Добротный ремонт, красивые окна с невесомыми портьерами, шикарная мебель. Во всей квартире все так же – дорого и стильно. Она может лишиться этого в одночасье. А так ли уж ее это волнует? Черта с два. Она может уснуть, уложив голову на дорожную котомку…

Почему она подумала о дорожной котомке? Уж не потому ли… Да! Именно! Она подумала о дороге. Ей нужно уехать. Нет, неправильно. Им нужно уехать. Им двоим: ей и Данилке. Продать квартиру и скрыться от Гериного всевидящего ока. И сделать это нужно как можно быстрее. Дождаться, пока Гера увезет Данилу в Ниццу, и в это время продать квартиру. Квартира в центре города с хорошим ремонтом может стоить целое состояние. Вырученных денег хватит на то, чтобы безбедно жить в маленьком городке несколько лет. Останется еще и на скромное жилье…

Вопрос, понравится ли данная мысль сыну, ее как-то в тот момент обошел. Он должен понять, обязательно должен, но когда-нибудь потом, когда повзрослеет. Не могла же она сейчас рассказать ему о том, что извращенный ум его папаши определил ее в наложницы. Нет, конечно.

Ей нужно продать квартиру, и продать как можно быстрее. Только сделать это следует очень осторожно, не потревожив высших деловых сфер, куда был вхож ее драгоценный супруг. Там она мгновенно засветится. Ее выдадут тут же, без промедления. Нет, нужна скромная риелторская контора, куда птицам такого высокого полета, как ее супруг, вход заказан. А она вот не побрезгует. Она обратится именно туда. Завтра же купит газету объявлений, найдет там подходящий вариант и начнет потихоньку действовать.

«Решено. – Верочка даже нашла в себе силы улыбнуться. – Пусть будет так».

Она приняла решение: оно ее устраивало, и оно ее освобождало.

Глава 6

Назаров невидящими глазами смотрел на окно собственной кухни и без аппетита поглощал ужин. Состоял он, как обычно, из макарон с сосисками, пакета молока и батона. Ленивыми движениями Сан Саныч накручивал на вилку длинную вермишель, макал ее в кетчуп и отправлял в рот. Потом откусывал от сосиски и запивал все эти яства молоком. Вкуса он почти не чувствовал, продолжая таращиться на голый проем кухонного окна. Шторы снял еще два дня назад, решив, что пришла пора отправить их в стирку. Скомкал и сунул в машинку, да так и оставил там. Как-нибудь потом постирает. Ему и без штор недурно.

За окном сгущались сиреневые сумерки, но света он не зажигал. Ему нравилось сидеть в полумраке и слушать звуки своего дома. В углу под подоконником голосом Софии Ротару тихо журчало радио. Из горячего крана подкапывала вода. На лестничной клетке молодежь бренчала гитарой.

Они совсем не боялись нарушать покой граждан, зная, что Назаров не станет их гонять. Он и не гонял. Пить ребята не пили, курением тоже не баловались, а петь пускай поют. Он и сам в их годы дергал за струны и гнусавил что-то из «битлов» плохо поставленным подростковым голосом. Еще неделя-другая тепла, и пацаны уйдут во двор. А сейчас еще скамейки не просохли, и с неба частенько сыплет мелким дождем. Пускай себе поют…

Назаров опустошил тарелку, допил молоко и сунул нетронутый батон в пакет. Встал и, потянувшись, принялся убирать со стола. Мыть тарелку не стал, чтобы не греметь. На площадке Денис пел его любимую песню из «Любэ». Пел почти профессионально, и Назаров заслушался. Талантливый парень этот Денис. При хороших родителях мог бы в конкурсах участвовать, а пока только в разбойном нападении и поучаствовал, за что едва срок не схлопотал. Спас возраст…

У Верочки мальчишка такого же опасного возраста, когда любой шаг мог быть сделан им не в том направлении. Но ему-то с родителям уж точно повезло. Папаша со всех сторон положителен и упакован. О матери и говорить нечего. Отношения у них, правда, оставляют желать лучшего, но в своей любви к сыну они уж точно единодушны, так что переживать нечего. Тогда почему же он переживает?!

Назаров подошел к окну и облокотился о подоконник, который требовал покраски уже два года. Сегодня ему не нужно было идти на дежурство. Он через сутки дежурил по ночам в соседнем детском садике охранником. А по субботам и воскресеньям подрабатывал на автостоянке. Это и был его приработок, который он откладывал. Не для себя, конечно, для нее. Ему-то лично почти ничего не нужно, без нее не нужно. Но разве хватит его денег? Ему же никогда не угнаться за этим удачливым Геральдом Всеволодовичем Хитцем. У того одна машина чего стоит…

На улице зажглись первые фонари, разбавляя жидкую темноту слабым светом. Подъездная дверь распахнулась, и стайка пацанов с гитарой выпорхнула на волю. Прошли, галдя, мимо горстки вечно недовольных старушек. Облюбовали один из столов в дальнем углу двора в окружении проклюнувшихся кустов черемухи и тут же облепили его, пристраивая ноги на скамейках. Молодые мамаши не спешили загонять своих малышей по домам, и те деловито ковыряли слежавшийся за зиму песок крохотными лопатками. От гаражей вдруг потянуло костром и запахло печеной картошкой. Рваные клочья сизого дыма стали заволакивать двор, закрыв от Назарова милую глазу картинку.

Он оттолкнулся от подоконника и начал мыть посуду.

Почему же его так тревожит семейная неустроенность Верочки? Обычная семья, которая распалась. Перефразировав классика, можно сказать, что каждая разведенная семья сейчас похожа на другую. Бьющаяся о суровый быт, как рыба об лед, мамаша и навещающий их

по выходным папаша. Верочкина семья в эту схему вполне укладывалась, за исключением того, что мало в чем нуждалась. Отец, судя по всему, на отпрыска не скупился. Верочку, видимо, тоже не обижал. Или обижал? Почему она так напряглась, заметив его машину в своем дворе? Тут же взяла его – Назарова – под руку, заулыбалась. Пыталась заставить своего бывшего мужа ревновать? Это глупо, если учесть, что тот уже женат. Назаров видел его с молодой девицей из этих современных, у которых все мозги за пазухой.

Почему тогда занервничала Верочка? Неужели до сих пор продолжает любить своего неверного бывшего супруга?..

Сан Саныч выключил воду, вытер руки о полотенце и решительно двинул в комнату. Надо переодеться и пойти отдать ей эти проклятые пятьдесят рублей, которых не нашлось в его кармане у магазинной кассы.

Он влез в джинсы, в которых обычно ходил на дополнительные дежурства. Натянул через голову рубашку, которую редко расстегивал, стягивая просто так. Накинул кожаную куртку и, не забыв про деньги, вышел из квартиры.

– Здрассте, Сан Саныч, – нестройным хором поприветствовали его пацаны, снова перебравшиеся в подъезд. – Уходите? А там дождь пошел.

– Не размокну, – пробурчал он нелюбезно, чтобы они не очень-то расслаблялись на предмет вседозволенности. – Зинаида Ивановна не ругалась?

– Нет… Да нет… – не очень уверенно ответили ребята.

Зинаида Ивановна была одной из тех старушек, которым всегда было что-нибудь да не так. К ее жалобам Назаров относился с терпимой снисходительностью. То есть согласно кивал, обещал разобраться и забывал через пару минут. Ей мешало все подряд, от урчания в канализационных трубах до дворовых кошек и солнечных лучей, бьющих ей прямо в окно. Гитару она терпела и иногда слушала, приоткрыв дверь и оставив ее на цепочке.

– Пущай поют, – толерантно кивнула она, когда Назаров попытался выяснить причину ее дурного настроения. – Лишь бы не наркоманили, лихоманы!

Лихоманы вели себя тихо, всерьез подумывая открыть в подвале свой собственный музыкальный клуб. Но городские власти их идею не поддержали, требуя представить старшего наставника. Такового пока не нашлось…

На улице и в самом деле раздождилось. Свет фонарей тускло пробивался сквозь плотную дождевую завесу. Полуденное тепло от нагретого солнцем асфальта мгновенно испарилось, уступив место прохладной влажной свежести.

Надо было взять зонт, посетовал на свою непредусмотрительность Назаров и поднял воротник куртки повыше. Он быстро миновал двор и вышел на улицу Зайцева.

Машин на проезжей части было немного. Разбрызгивая лужи, они лениво ворочали дворниками по ветровым стеклам. Редкие прохожие прятались под зонтами и, сторонясь обочин, жались к стенам домов. Почти все магазины уже закрылись и теперь расцвечивали мокрый асфальт судорожными всполохами ярких вывесок. Оставалась открытой лишь дежурная аптека на углу да тот злополучный супермаркет, в котором ему пришлось сегодня натерпеться стыда. Его громадина высилась за три квартала от дома Назарова и хорошо просматривалась даже с того места, где он сейчас стоял.

Надо будет зайти и купить Верочке чего-нибудь, вдруг запоздало подумалось ему. Может, цветы…

Да, цветы будут как раз кстати. Не бутылку же с вином нести, в самом деле. Она же не такая…

Он вошел в ярко освещенный магазин и заспешил в самый дальний угол, где гнездился цветочный отдел.

– Чего хотели? – Приветливо улыбающаяся девушка тут же подскочила к Назарову и стала умело перебирать цветочные стебли. – Букетик? Невесте, жене или… любовнице.

На последнем слове голос ее интимно дрогнул.

– Просто женщине, – улыбнулся Назаров, заряжаясь ее игривостью. – Очень хорошей женщине.

– Ага! А как зовут нашу женщину? Поймите меня правильно, – она сложила пальцы с идеальным маникюром щепотью. – От имени может зависеть ваш выбор. Есть имена, которые просто заряжает женщину быть страстной. Такой уж точно не преподнесешь незабудки. А есть очень трогательные и нежные…

– Она именно такая, – перебил девушку Назаров. – Очень нежная и очень трогательная.

Они долго выбирали, споря и соглашаясь, и в конце концов остановили свой выбор на одной кремовой розе.

– Никаких упаковок, – отвергла девушка идею Назарова оплести цветок блестящей слюдой. – Просто, изысканно и непретенциозно. Это то, что нужно вашей недотроге. Поверьте мне…

Назаров проникся ее уверенностью и спустя десять минут уже звонил в квартиру Верочки Хитц.

Ему долго не открывали, хотя свет горел во всех окнах, он специально посмотрел. Потом кто-то прильнул к дверному глазку, замок щелкнул, и дверь распахнулась.

На пороге квартиры стоял ее сын. В широченных спортивных штанах, растянутой до колен футболке, с растрепанными волосами и… заплаканными глазами.

– Привет, – проговорил Назаров, а сердце от чего-то заныло. Неужели что-то случилось за то время, пока он отсиживался дома. Неужели кто-то обидел их… – Мама дома?

– Ма-аам! – закричал Хитц-младший и понимающе хмыкнул, узрев в руках Назарова цветок. – Тут к тебе!

– Кто? – откликнулась Верочка слабым голосом из глубин квартиры.

– А это… наш участковый. – Данила снова уставился на цветок, дался он ему, и добавил с хитрецой: – Он в штатском, между прочим, и с цветами.

В штатском Назарова видели не многие. Он почти не вылезал из формы, обследуя район на предмет благоприятности обстановки. Дождь или снег, жара или стужа, он патрулировал свой участок с невероятной прилежностью, потому и знал его почти каждый живший здесь в лицо. Даже вон Даниле успел примелькаться, раз тот узнал его.

Мальчишка убежал, оставив дверь открытой и так и не успев пригласить его войти. Повинуясь непонятному порыву, Назаров осторожно толкнул дверь и переступил через порог. Прошел, остановился посреди просторной прихожей, огляделся и тут же поскучнел. От каждой стены и предмета мебели, будь то выключатель либо подставка под телефон, веяло большими деньгами. Он вновь сам себе показался смешным и неуклюжим, в идиотских потугах стремящимся заработать денег на то, чтобы обеспечить Верочку и ее сына. Куда ему до ее бывшего!..

– Добрый вечер. – Верочка появилась на пороге гостиной как раз в тот момент, когда Назаров подавил в себе десятый, наверное, по счету горестный вздох. – Александр Александрович, что-то случилось?

Он поднял на нее глаза, и язык его тут же прилип к небу. Она стояла, ухватившись обеими руками за притолоку, и очень внимательно и требовательно смотрела прямо на него.

На ней была такая же, как у сына, растянутая почти до колен футболка с улыбающейся рожицей и старенькие спортивные штаны. Волосы высоко зачесаны и стиснуты мохнатой красной резинкой. Она была босиком и трогательно поджимала теперь пальцы с крохотными розовыми ноготками. То ли нервничала, то ли привычка у нее такая. А вот глаза… Глаза у нее тоже были заплаканы.

Что-то он все же успел пропустить.

– Можно я пройду? – вдруг обнаглел Назаров и, вновь не дожидаясь приглашения, принялся разуваться. Снял ботинки, аккуратно поставил их вдоль плинтуса и только тогда протянул ей розу: – Это вам, Вера Ивановна. И еще вот…

Он выудил из кармана злополучный полтинник и вложил его в ее руку.

– Спасибо огромное, что выручили. Чаем напоите? – это уже была сверхнаглость, конечно, но когда-то еще ему представится возможность побывать у них.

– А, что? Чаю? – Она неуверенно заморгала, растерянно теребя в руках колючий стебель. – Чаю? Да, да, проходите на кухню, пожалуйста. Я сейчас… Мы вообще-то уже спать собирались.

Еще вчера подобная фраза его добила бы окончательно, но сегодня… Сегодня Назарову вдруг стало безразличным ее неудовольствие. Давно списанная в запас, его напористость вдруг обнаружила свою непотопляемость и заявила о себе в полный голос.

Он же был таким когда-то, черт возьми! Десять лет назад как раз и был таким. Уверенным в себе, остроумным и настырным. Недаром же его уважали подчиненные в отделе и побаивались нарушители, называя не каким-нибудь ментом там либо мусором, а Назарычем звали. Может, хватит казниться-то? Пора, наверное, уже похоронить за давностью лет все свои душевные ломки…

Он вошел в ее кухню, уже не удивляясь окружающей роскоши. Сел в угол у окна, как раз напротив входа, и, посмотрев на хозяйку долго и внимательно, произнес:

– А вы плакали, Вера Ивановна. Что-то случилось?

– Что? – Крышка чайника вырвалась из ее рук и с глухим пластмассовым стуком упала в раковину. – С чего вы взяли?

– И вы плакали, и сын ваш. Я заметил, потому и…

Назаров, как зачарованный, смотрел на ее изящную шею и трогательную косточку ниже затылка. Выбившиеся из хвоста пряди волос мягко колыхались в такт движениям Верочки. Красивые руки мелькали над столом, нарезая лимон и распаковывая печенье из большого шуршащего кулька. Вот она повернулась к нему, о чем-то спросила и вымученно улыбнулась.

– Что? – переспросил Сан Саныч охрипшим от волнения голосом – он мог смотреть на нее вечно, совсем не замечая времени.

– Вы мармелад любите? – повторила она и слегка вскинула подбородок, улыбнувшись уже более раскованно. – Наверняка, любите. Не нужно было спрашивать. Чего это я?

И вот тут… И тут он заметил синяк на ее шее. Вырез футболки, отороченный ярким голубым кантом, проходил как раз вровень с ним, и когда она просто стояла, не дергая шеей, то его не было вовсе заметно. Но стоило ей чуть поднять голову кверху, как лиловый кровоподтек предательски выполз наружу.

Геральд?! Этот гребаный Геральд Хитц, о котором он, Назаров, знал, кажется, все, вплоть до того, какое дерьмо тот жрет на завтрак… Эта скотина позволила себе!..

Перед глазами у Назарова тут же заплясали предательские черные мушки, а рот наполнился горечью.

Такое бывало и прежде. Когда он психовал, когда сильно боялся или просто ждал чего-то страшного. Сейчас не было ни первого, ни второго, ни третьего. Сейчас Назарову стало худо оттого, что он ничего не мог изменить в этой дерьмовой ситуации. Худо от жалости к ней и еще оттого, что он ничего не мог поделать. Он запросто мог действовать по заявлению, которое собственноручно зарегистрировал бы и подшил в свою красную папку с замурзанными тесемками. Он мог бы запросто действовать и без заявления, попроси она его об этом. Но разве она попросит?! Она вот стоит, опершись о мойку, и даже чаепитие разделить с ним не желает. Разве захочет она разделить с ним свою печаль?..

– Вера, – проговорил он глухо, прокашлялся и попросил: – Можно я буду вас так называть?

– Пожалуйста, – осторожно разрешила она.

– Вера… – снова проговорил Назаров, казавшийся себе грубым и неотесанным в общении с ней – такой тонкой и незащищенной. – Вы… Присядьте, пожалуйста. Я не могу, когда вы стоите. Неприлично как-то.

Она послушно присела к столу, сомкнув тонкие пальцы на коленках.

– Вера… – повторил он в который раз и вдруг улыбнулся ей. – Как пацан, ей-богу! Так волнуюсь рядом с вами. Будто мне пятнадцать, а вы та самая девочка, которая позволила нести мне свой портфель.

– Была такая? – Вера насмешливо хмыкнула, слегка приподняв брови. В ее представлении Назаров уже родился с погонами хмурого участкового, радеющего за всех на свете подростков, а также их родителей.

– Не было, – признался нехотя Сан Саныч. – Как-то это было не… в жилу, понимаете? Я, весь такой крутой из себя, и портфель понесу какой-то девчонке! Вот снежком залепить промеж лопаток, это всегда пожалуйста. Или портвейн на ее глазах из горла выпить, тоже круто…

– А… А как вы учились в школе?

Она очень внимательно смотрела на Назарова и понимала, что совсем ничего не знает об этом неулыбчивом человеке, которого старательно сторонилась. А он совсем даже и ничего, участковый их. И джинсы сидят на нем очень ладно, и рубашка в мелкую серую клетку удивительно идет к его глазам. И улыбка у него очень открытая и приятная. А руки очень сильные. Зачем-то розу подарил, чудак… На чай напросился…

– В школе? – Вопросу он не удивился, сразу поняв, что она имеет в виду. – Школу я закончил с золотой медалью, уважаемая Вера Ивановна. И институт закончил весьма, весьма успешно. Юрфак, между прочим… И работа у меня была не такая, как сейчас…

– Да?! А что же сейчас?! – Вера только изумленно моргала.

Ну, не укладывался в рамки ее представлений о блестящих медалистах и выпускниках престижного факультета их мешковатый участковый с серыми задумчивыми глазами. Кто угодно, но только не медалист и не выпускник юрфака. Оттуда, по ее мнению, выходили бравые парни с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Пускай руки и голова у Назарова вроде бы соответствовали, но вот, что касалось горячего сердца – это явно не про него. Сан Саныч был весь какой-то… Какой-то потухший, что ли. Потухший взгляд, замирающий голос, неуверенная, почти погашенная улыбка…

– Знаете, это как в том анекдоте. – он все же пододвинул к себе чашку с чаем, она-то думала, что так и не осмелится. – Я весь белый и пушистый, а сейчас просто болен.

– Да? И чем же? – незаметно для самой себя она взяла с вазочки печенье и принялась крошить его на мелкие кубики, поочередно отправляя их в рот.

– Это давняя история, – нехотя обронил Назаров, отхлебнул из чашки и тут же одобрительно пробормотал: – Чай очень вкусный, сладкий и крепкий. Не понимаю, знаете ли, все эти новые модные веяния. Пресный чай, пресный черный кофе… Выпендреж все это, по-моему.

– Может быть. – Верочка украдкой улыбнулась, за такой лексикон она делала школьникам замечания, а иногда и оценки снижала. – Так что там за история, заставившая вас оставить любимую работу.

– Это не я оставил работу, а она меня. И работа, и любимая женщина, и друзья… Все, что было мне дорого, я потерял за одну ночь. Чудовищно! – Глаза у Назарова вдруг снова погасли, будто их присыпали пеплом из того потухшего вулкана, коим он ей сейчас представлялся. – Я был оперативником. Убойный отдел, как модно сейчас говорить. Раскрывае-

мость у меня была, дай бог каждому. Я не вру, это вам любой скажет. А потом случилась та ночь… И все… Я оказался без вины виноватым…

Если честно, Верочка не любила ноющих мужиков. Эдаких непризнанных гениев, выдворенных из рая за неправедность. Была, по ее мнению, в них какая-то червоточина. Либо силы воли им не хватало, либо подлости было через край. Но Назаров почему-то не был похож на нытика. Он больше походил на раненого хромого зверя, и ей вдруг сделалось жаль его.

– Вы не пытались бороться? – поинтересовалась она, когда он вкратце поведал ей историю десятилетней давности.

– Знаете, нет. Только сейчас понимаю, что нет. А зря! Вынашивал все вот здесь, – он стукнул себя согнутым пальцем по левой стороне груди. – Думал, пройдет какое-то время, и все поймут. Разберутся и поймут… Но никто не стал ни с чем разбираться. Одно дело наслаивалось на другое, и мое было просто-напросто похоронено под ворохом других. Я остался один на один со своей бедой и с неисчерпаемым чувством вины за все. Нельзя было так поступать! Только сейчас я это понимаю. Нельзя! Я к чему все это говорю, Вера…

Он пытливо, совсем как слуга закона, посмотрел на нее.

– Если вдруг вам что-то или кто-то будет угрожать, не пытайтесь хоронить это в душе. Упаси вас бог остаться один на один со своей бедой. Это ничего не решит. Поверьте мне, я знаю, что говорю, потому что прошел долгие десять лет к такому прозрению. И еще… Пообещайте, что расскажете мне об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.